

О.Ш.ГВИНЧИДЗЕ

НИКОЛАЙ
АНДРЕЕВИЧ
ЦЕРТЕЛЕВ

◀ МЕЦНИЕРЕБА ▶
1980

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია

СЕКТОР НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
საზოგადოებრივ მეცნიერებათა დარგში სამეცნიერო
ინფორმაციის სექტორი



ო. ბ ვ ი ნ ი ძ ე

ნიკოლოზ ანდრიას ძე წერეთელი

ბამონცემლობა „მეცნიერება“

თბილისი

1980

О. Ш. ГВИНЧИДЗЕ

НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ ЦЕРТЕЛЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕЦНИЕРЕБА»
ТБИЛИСИ
1980

8 р.

83.3 р

891.71+398(47)(092 Н. Цертелев)

Г 255

Книга посвящена жизни и деятельности Николая Андреевича Цертелева, работавшего над проблемами русского и украинского фольклора и являющегося одним из первых пропагандистов и знатоков народной словесности.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В 1859 году в Москве была опубликована книга Якова Марковича «Дневные записки», в которой читаем: «Пан Селецкий приехал с Сулака в Ромен и привез письмо к Ясновельможной, бригадиру и ко мне. В последнем написано, что принц Грузинский, избегая преследований Порты Оттоманской, поддался под покровительство все милостивейшего нашего Государя, а с ним всей компании: епископов 6, архимандритов 14 и прочих монахов, князей, дворян, служителей, всего 1185 человек»¹.

Этот случай имел место 15 июня 1724 года, когда грузинский царь Вахтанг VI с детьми, братом и ближайшими сподвижниками отправился из Грузии в Россию. Очутившись в тисках между шахским Ираном и султанской Турцией, царь Вахтанг VI вынужден был оставить Грузию и искать покровительства в России. Ориентация на Россию, имевшая в Грузии глубокие исторические корни, особенно усилилась в начале XVIII века. Она была тем более естественной и неизбежной, что из Западной Европы, куда в 1713 году был направлен чрезвычайный представитель, кроме обещаний, никакой реальной помощи не ожидалось.

Прав был выдающийся грузинский поэт Давид Гурамишвили, вложивший в уста Вахтанга VI слова: «Старался я помочь стране моей», ибо Грузия, терзаемая Ираном и Турцией, в то время действительно нуждалась в помощи извне. И эту помощь Вахтанг VI ожидал с севера, от России. Он рассчитывал возвратиться в Грузию с русскими войсками и освободить родину от иноземных захватчиков.

В Москве Вахтанг VI со своей многочисленной свитой поселился на Пресне. В «Ремесленной газете» за 1876 г. сообщалось: «Вахтангу пожалован был на Пресне дом и дано 10000 руб. на обстройку дома и постройку домов для переселенцев. Здесь-то и стали селиться грузины, отчего и местность эта получила название Грузин... дом этот тот, который впоследствии принадлежал князю Кайхосро Васильевичу Пусидзеву, от которого в 1804 году перешел к г. Ушакову, от

¹ Яков Маркович, «Дневные записки». М., 1859, с. 50.

Ушакова в 1821 году к г. Ильинскому, от последнего к его теперешнему домовладельцу г. Живареву. Дом был очень большой»². В Москве поселения грузин образовались еще с 50-х годов XVII века, когда здесь осталась часть свиты посетившего Москву царевича Николая Давидовича — внука царя Теймураза II. Но с эмиграцией в 1724 году из Грузии Вахтанга VI грузинская колония в Москве значительно расширилась; на Пресне образовались т. н. «грузинские слободы», о чем свидетельствуют названия Большой и Малой Грузинских улиц, сохранившиеся и в настоящее время.

После смерти царя Вахтанга VI большинство его многочисленной свиты осталось в России. Грузины-эмигранты приняли русское подданство и, вступив на царскую службу, получили от правительства поместья и крепостных. Переселившись в Россию, многие грузины занялись научной и литературной деятельностью, переводили с русского языка книги и учебники, восстановили основанную в Москве еще в начале XVIII века царем Арчилом грузинскую типографию, печатали грузинские книги и т. д.

В России грузины быстро выдвинулись на поприще военной, государственной и культурной деятельности, что весьма способствовало дальнейшему политическому и культурному сближению Грузии с Россией.

Перечень лиц свиты царя Вахтанга содержится в трех списках так называемой «Амилахоровской росписи». В этой росписи, присланной в Коллегию иностранных дел грузинским генералом Амилахвари 10 ноября 1724 года, значится: «Имеретинской земли боярин Давид Церетели»³.

25 марта 1738 года был издан указ императрицы Анны Иоановны, по которому из числа грузинских князей и дворян, выехавших в Россию, должна была сформироваться грузинская гусарская рота в 87 человек⁴. В эту грузинскую гусарскую роту и был определен Давид Церетели: «По указу ее императорского величества самодержицы Всероссийской объявляем через сие, кому о том ведать подлежит, что выехавший из Грузии с покойным грузинским царем Вахтангом Леоновичем имеретинский князь Давид Церетели определен на службу... и пожалованы ему деревни на Украине, где жителство иметь будет...»⁵.

Поступившие на военную службу грузины были пожалованы дворами на Украине «в вечное потомственное владе-

² Ремесленная газета, 1876, № 19.

³ АВПР, Грузинские дела, 1724 г., № 3.

⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. № 1663, л. 271, 394.

⁵ Там же, л. 343, 401.

ние» и «каждый по пропорции»: князья получили по 30 дворов, дворяне по 10, а малолетние их дети по 5 дворов⁶.

Раздача дворов грузинским эмигрантам и их поселение на Украине по некоторым причинам временно были отложены. За этот период грузинская гусарская рота была переброшена на Крымский фронт для участия в русско-турецкой войне. Грузины особенно отличились в штурме крепости Хотин 19 августа 1739 года. В своем рапорте Сенату генерал-фельдмаршал фон Миних писал о «блестящем поведении грузин»: «онные грузинские князья и дворяне, обретающиеся в армии, службу свою весьма храбро оказывают, так что более требовать невозможно, и дабы более таких людей было, весьма желательно»⁷.

Как явствует из документов, в русско-турецкой войне принял участие и попал в плен Давид Церетели. «В 1739 году был при многих турецких баталиях и потом находился он (Давид Церетели — О. Г.) подневоле магометанского закона, а в 1740 году по выкупе его там по прошению родственников его... выехал в Россию»⁸.

Первый поток грузинских переселенцев, которые в 1724 году вместе с Вахтангом устремились в Россию, был не единственным. Например, 10 февраля 1740 года грузинская царица Русудан просит императрицу Анну Иоановну «определить на русскую службу выехавших в 1739 году из Грузии в Россию князей, дворян и служителей»⁹ наряду с грузинами, покинувшими родину в 1724 году.

Выезд грузин в Россию в 1738 году частично можно объяснить и тем, что проживающие в Москве грузины еще в 1738 году возбудили ходатайство об отпуске их «во отечество свое в Грузию для забрания жен своих и детей и ближних родственников своих». Очевидно, именно подобным образом князь Давид Церетели вывез в Москву своего двоюродного брата князя Автандила Церетели. В «доношении» грузинского царевича Бакара Сенату от 10 марта 1740 года говорится, что «князь Автандил Церетели, получивший от грузинского двора 40 рублей жалования, 12 четвертей ржи и полсажени дров..., в числе прочих состоит в Москве»¹⁰. А в деле департамента Геральдии сказано, что «грузинской нации князь Автандил Церетели в нашей Императорского Ве-

⁶ ЦГДА, ф. Сената, кн. № 1663, л. 204, 376, 776, 854.

⁷ Там же, л. 272.

⁸ ЦГАДА, ф. Сената, кн. № 1665, л. 217.

⁹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. № 1663, л. 496.

¹⁰ Там же, л. 532.

личества службе от 1741 года в грузинском гусарском полку гусаром служил»¹¹.

Давид и Автандил Церетели от русского правительства получили по 30-ти дворов, отведенных в местечке Хорол для хорольской сотни Миргородского полка на Украине. «Милитинские князья — говорится в одном из документов, — Апшеронского пехотного полка капитан Давид Давидов сын, да двоюродный брат его Автандил, он же Афанас Цертелевы представили, что, как и прочим их братьям из Грузии, вышедшим в службу его Императорского Величества, вечно вступившим грузинским князьям и дворянам в Малороссии в подданство отвод дворов учинен, так де им, Давиду и Автандилу Цертелевым на учрежденной грузинам раздаче дворов комиссии в 1742 году в сентябре месяце по 30-ти дворов во владении отведено»¹².

Поселившиеся на Украине грузины старались сохранить на новой родине между собой самую тесную дружбу; они часто бывали друг у друга, жили общими интересами, не забывая родного языка, родной литературы и истории. Выдающийся грузинский поэт Давид Гурамишвили, обосновавшийся в Миргороде, был частым гостем в семье Цертелевых. «В соседнем местечке Хорол, — говорит украинский писатель Дмитро Косарик, — Гурамишвили всегда мог вволю наговориться в семействе Церетели. В этой семье всегда звучала литература, народная словесность, грузинская и украинская песни»¹³.

Здесь же следует отметить, что для грузин-эмигрантов в начале XVIII века характерно было стремление сохранить родной язык. Не только приехавшие в Россию грузины, но и их потомки в течение многих десятков лет сохранили знание родного языка. Об этом свидетельствует ряд фактов. Например, в 1788 году, когда возник вопрос о построении в Грузинах храма, жители района попросили разрешения назначить священником во вновь построенной церкви грузина, ввиду того, что большинство жителей-грузин не знали русского языка. Далее, по свидетельству А. Ф. Шафонского, грузины, проживавшие в Черниговском наместничестве, говорили по-грузински еще в конце XVIII века. А грузины, поселившиеся в Кизляре, вплоть до второй половины XIX века сохранили родной язык¹⁴.

¹¹ Дело департамента Геральдии от 14 декабря 1744 г., № 12945.

¹² АВПР, Грузинские дела, 1750 г., № 5.

¹³ Д. Косарик, Второе детство Давида Гурамишвили (неопубликованное письмо).

¹⁴ Н. Г. Тарсаидзе, Материалы по истории поселения грузин в России в первой половине XVIII века. Тбилиси, 1964, с. 6.

После смерти Давида Церетели, умершего бездетным, его имение в Хороле переходит к Автандилу Церетели. «Таким образом, — пишет А. Бухе, — Автандил Церетели, объединивший свой и братский уделы в одно имение, является родоначальником русско-украинской ветви грузинского княжеского рода Церетели. В русском переводе фамилия «Церетели» стала произноситься как «Цертелев», что, безусловно, является искажением фамилии «Церетели» и произошло по разумению русского переводчика, руководствовавшегося обычаем русифицировать иностранные фамилии, добавляя в них «ов» и «ев»¹⁵.

В дальнейшем владение в местечке Хорол с крестьянами переходит к потомству Автандила Цертелева, к его сыну — корнету Андрею Цертелеву и внуку — Николаю Андреевичу Цертелеву, будущему известному фольклористу¹⁶.

Ниже приводится родословная русско-украинской ветви грузинской фамилии Церетели (Цертелев).

Автандил Леванович Цертелев

Андрей Автандилович Цертелев
ум. в 1792 г.

Николай Андреевич Цертелев
род. в 1790 г., ум. в 1869 г.

Николай Николаевич
Цертелев

род. в 1831 г.

Петр Николаевич Цертелев
род. в 1833 г.

Алексей Николаевич
Цертелев*

род. в 1848 г., ум. в 1883 г.

Дмитрий Николаевич
Цертелев

род. в 1852 г., ум. в 1911 г.

¹⁵ А. Бухе. Князья Цертелевы, М., 1913, с. 9.

¹⁶ О. Ш. Гвинчидзе, Н. А. Цертелев — собиратель и издатель памятников украинского фольклора. Тб., 1954 (на груз. языке); О. Ш. Гвинчидзе, М. У. Дорошенко, Перший видавець дослідник українських народних дум Н. А. Цертелев — «Народна творчість та етнографія». Київ, 1959, № 3, с. 31—37; Б. П. Кирдан, Собиратели народной поэзии, М., 1974, с. 28—51.

* Цертелев Алексей Николаевич (1848—1883). Первоначальное образование получил в Лозанне (Швейцария). В 1865 г. поступил в Московский университет на юридический факультет. В студенческие годы А. Н. Цертелев с увлечением изучал славянские языки, историю находящихся под османским игом народов Балканского полуострова и проявлял большой интерес к их судьбам. После окончания университета А. Н. Цертелев совершил поездку в Турцию, Болгарию и Сербию. По возвращении в Россию он определенное время работал в азиатском департаменте министерства иностранных дел, но вскоре был назначен секретарем генерального

консульства в Белграде, а в 1873 г. — вторым секретарем посольства России в Константинополе.

После жестокого подавления турецкими властями в Болгарии Апрельского восстания (1876 г.) А. Н. Цертелев прибыл в Болгарию в ранге вице-консула для управления консульствами в Адрианополе и Филипполе. Он был одним из первых среди зарубежных дипломатов, сумевших проникнуть в разграбленные и сожженные башибузуками болгарские села и собрать доказательства о турецких жестокостях, усиленно скрывааемых турками от всего мира. Корреспонденции А. Н. Цертелева о бедственном положении болгарского народа, пересланные им в министерство иностранных дел России, вскоре стали достоянием широких кругов и вызвали возмущение общественного мнения не только в России, но и в Европе. В дальнейшем А. Н. Цертелев принимал активное участие в разработке проекта будущей Болгарии, который содержал реформы, предусматривающие защиту интересов болгарского народа. Проект был внесен на рассмотрение Европейской конференции (1876 г.), созванной по инициативе России в Константинополе. После начала русско-турецкой войны (1877—1878 гг.) русские дипломаты были вызваны из Турции и временно остались не у дел. Но А. Н. Цертелев не смирился с этим положением. Прекрасно зная Болгарию, имея огромный опыт, приобретенный им во время своего пребывания в этой стране, он был уверен, что сможет внести свою лепту в освобождение болгарского народа от османского ига. А. Н. Цертелев поступил добровольцем в действующую армию. Он принимал участие в боях под началом генерала М. Скобелева во время перехода через Дунай, затем перешел в Передовой отряд генерала Гурко, с которым проделал оба забалканских похода. А. Н. Цертелев оказал большие услуги Передовому отряду при занятии Тырнова и разыскании и форсировании стратегически важного Хайнкиокского перевала. А. Н. Цертелев оставался в действующей армии до заключения перемирия между Россией и Турцией. К этому времени он возвращается на дипломатическую службу и принимает участие в работе комиссии, подготовившей материал для Сан-Стефанского мирного договора (1878 г.). В этом же году А. Н. Цертелев был назначен генеральным консулом в Восточной Румелии. Его труды по составлению Органического статута для Восточной Румелии создали ему широкую известность и доверие со стороны населения. По словам одного историка, дипломатическая деятельность обвешанного георгиевскими крестами за боевые заслуги во время освободительной войны Болгарии А. Н. Цертелева, его энергичные действия и активное участие в расследовании турецких зверств в Болгарии создали ему совершенно исключительное положение. Среди болгар он пользовался огромным влиянием. Они страстно любили его, безгранично доверяли ему и называли его «наш князь» (О. Ш. Гвинчидзе, А. Н. Цертелев — генеральный консул России в Болгарии Тб., 1962 (на груз. яз.); И. В. Козьменко. Русский дипломат А. Н. Цертелев — защитник интересов болгарского народа — «Балканский исторический сборник», Кишинев, 1973, с. 323—343. В настоящее время мы готовим к печати монографию о жизни и деятельности Алексея Николаевича Цертелева).

I

Николай Андреевич Цертелев родился в 1790 году в Хороле, Полтавской губернии. Получив домашнее общее образование, молодой Николай поступил на службу в Черниговское уездное казначейство. В 1808 году он был произведен в губернские секретари, но вскоре вышел в отставку и в 1810 году поступил в Харьковский университет. В 1814 году Н. А. Цертелев стал студентом Московского университета, где он окончил курс этико-филологического факультета. В 1819 году Н. А. Цертелев снова поступил на службу в Министерство финансов. В 1823 году его назначают директором училищ Тамбовской и затем Полтавской губерний, а с 1839 года он работает помощником попечителя Харьковского учебного округа. На формирование литературных взглядов тогдашних харьковских студентов большое влияние оказывали литературные вечера, устраиваемые Н. А. Цертелевым в своем доме. На эти вечера приглашались ректор, деканы и некоторые профессора. Студенты читали свои сочинения; за чтением следовали разбор прочитанного, критика авторов, литературные беседы, душой которых были крупнейший ученый-славист И. И. Срезневский и известный фольклорист, профессор А. К. Метлинский¹⁷. В должности помощника попечителя Н. А. Цертелев оставался до 28 марта 1859 года. После этого его назначили членом Главного управления училищ, а в 1861 году он вышел в отставку. Умер Н. А. Цертелев в Моршанске, по пути в Москву, 8 сентября 1869 года. После него остались довольно многочисленные работы в области фольклористики и литературоведения, а также ряд поэтических сочинений. Его книга «Опыт общих правил стихотворства», изданная в 1820 году, была удостоена серебряной медали Российской Академии наук. Но, как писал В. Войнов, «Имя Цертелева более памятно тому, что явился первым собирателем памятников народной малорусской поэзии и

¹⁷ М, Де-Пуле, Харьковский университет и Каченовский — «Вестник Европы», 1874, с. 102—103.

одним из первых просвещенных людей, сумевших понять значение народной поэзии и пробудить интерес к ее изучению»¹⁸.

По выражению И. И. Срезневского, Н. А. Цертелеву «принадлежит слава первого обнаружения так называемых «дум» или «бувальщин»: до него никто в литературе не знал, что на Украине был и остается под этим именем свой народный эпос, исторический и нравоучительный, замечательный своим внешним и внутренним характером...»¹⁹. Известный советский ученый М. К. Азадовский Н. А. Цертелеву в истории науки о фольклоре определил почетное место как одному из зачинателей украинской фольклористики, как энергичному собирателю и издателю памятников украинского фольклора²⁰.

Безусловно, русским и украинским народным творчеством интересовались и до Н. А. Цертелева. Уже в XVIII веке в русской литературе все больше ощущается тяготение к народному творчеству. Первые русские ученые — патриоты и просветители — закладывают фундамент русской науки о народной словесности. В поэмах, трагедиях, одах и сатирах русских писателей герои античной литературы заменяются своими отечественными героями из былин и сказок. Современник Петра Первого, историк, этнограф и поэт В. М. Татищев, создавая свою «Российскую историю», изучил народные поверья, былины, сказки, пользовался народными летописями. Систематическим сбором материалов по истории, этнографии и фольклору занимались В. М. Ломоносов, В. К. Тредиаковский и другие ученые-специалисты.

В последнюю четверть XVIII в. и начале XIX в., кроме последовательного проникновения элементов народного творчества в литературу и науку, начинается настоящее увлечение богатыми сокровищами, накопленными народной мудростью. Наряду с изданием книг этнографического характера («Описание свадебных украинских простонародных обрядов» Г. Калиновского и др.) началось собирание народных песен, или печатание рукописных сборников, ходивших ранее по рукам («Собрания разных песен» М. Чулкова и др.). Появляются сборники русских народных песен М. Новикова, В. Трутовского, М. Львова, И. Прача и других авторов. А. Мусин-Пушкин в 1800 году опубликовал величайший памятник древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве». К. Калай-

¹⁸ Русский биографический словарь. СПб., 1901, с. 482.

¹⁹ Б. П. Кидан, Собиратели народной поэзии, М., 1974, с. 28.

²⁰ М. К. Азадовский, История русской фольклористики, т. I, М., 1958, с. 257.

дович переиздал сборник «Древняя Российская стихотворения» (1818) — «сей простой глас славенской музы»²¹.

Таким образом, проявляется особый интерес к прошлому страны, собиранию и рассмотрению древних памятников, изучению народной поэзии, о богатстве и выразительности которой Н. А. Цертелев писал: «Может быть, ни одна народная поэзия не может сравниться в богатстве с нашею, и не удивительно: славяне еще в древности своей известны любовью к музыке и поэзии, а потомки их наследовали сию склонность»²². Но наряду с этим раздавались голоса скептиков, которые смотрели на народную поэзию свысока, как на нечто низкое, не заслуживающее внимания. Отвечая тем, кто подобными категориями мыслил о русской народной поэзии, Н. А. Цертелев с возмущением отмечал: «Пора и нам обратить внимание на произведения народной нашей поэзии: одни мы из просвещенных европейцев остаемся равнодушными к сему предмету; все другие старались и стараются сохранить для потомства остатки поэзии народной. Неужели будем ожидать, пока чужеземцы укажут нам то, что у нас под руками»²³. Забегая вперед, отметим, что уже первые шаги, сделанные Н. А. Цертелевым в области изучения народной поэзии, были позже должным образом оценены специалистами. П. А. Бессонов²⁴ в «Вестнике Европы» писал: «Нужна была особенная мягкость души, отличавшая князя Н. А. Цертелева, потребны были верные инстинкты его изящной природы, правильность его художественного такта, невозмутимая чистота образцов фантазии, меткость образованного взгляда и та вечная, живая юность, не покидавшая характер князя до последних лет глубокой старости, чтобы в его время, среди тогдашних обстоятельств, оценить народное творчество, возвысить о нем благородный голос в кругу общества; спасти памятники и навсегда оставить по себе возбужденный интерес к ним. Благодатный край, красоты Малороссии и задушевность безыскусственной ее речи вполне гармонировали с этими отличиями юноши, чтобы на первых порах настроить силы его к предстоявшему назначению не простому делу, а истинному подвигу жизни»²⁵.

²¹ А. Н. Пыпин, История русской этнографии, СПб., 1891, т. III, с. 15.

²² «Вестник Европы», 1827, июнь, с. 274.

²³ Там же, с. 270—271.

²⁴ Бессонов Петр Алексеевич (1828—1898), литературовед, опубликовал памятники устного творчества русского, болгарского, сербского народов, снабдив их обширными комментариями и статьями.

²⁵ «Вестник Европы», 1870, т. III, с. 868.

Н. А. Цертелев был живой, энергичный, талантливый человек, с самых ранних лет пристрастившийся к изучению украинской словесности. Песни бандуристов, летописи и другие исторические памятники оставили неизгладимый след в молодом Николае Андреевиче и пробудили в нем большой интерес к украинской исторической и поэтической старине, в частности к думам, эпической поэзии украинского народа.

Думы—это история украинского народа, рассказанная самим народом. М. А. Максимович²⁶ писал, что некоторые народы «в память важных происшествий своих чеканили медали, по которым история часто разгадывает минувшее. События казачьей жизни отливались в звонкие песни, и потому они должны составить самую верную и вразумительную летопись для нового бытописателя Малороссии». Украинский народ, переживший на протяжении веков много тяжелых и радостных событий, бережно и свято хранил драгоценное духовное наследие, а затем передавал его на память следующим поколениям. Каждое событие народной жизни почти всегда получало свое отражение в думах. Н. А. Гоголь видел в народных песнях живую, звучащую, говорящую о прошедшем летопись. «Это народная история, — писал он, — живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа»²⁷.

В думах нашли свое отражение и самоотверженная борьба казачества с турками и татарами, безжалостно терзавшими страну, и героическая борьба украинского народа, поднявшегося под водительством Богдана Хмельницкого против шляхетской Польши за национальное освобождение и воссоединение с братским русским народом, эти «времена бедствия народа и потом славы и свободы, возбужденные Хмельницким»²⁸, — как писал Н. А. Цертелев.

Безымянные слагатели дум, любовно рисовавшие образы стойких патриотов и обходившие села и города Украины, уже с XVIII века часто появляются в вельможных домах Москвы, а затем Петербурга. При дворе Елизаветы Петровны состоял бандурист Григорий Михайлович Любосток, носивший титул «двора Ее Императорского Величества спевальной музыки тенорист и Российский дворянин»²⁹.

²⁶ Максимович Михаил Александрович (1804—1873) опубликовал работы по истории, этнографии, языкознанию, истории литературы и фольклору. «Малороссийские песни» (1827), собранные и комментированные М. А. Максимовичем, получили высокую оценку А. С. Пушкина.

²⁷ Н. В. Гоголь, Собрание сочинений, 1930, т. 6, с. 67.

²⁸ «Вестник Европы», № 3, май, 1827, с. 278.

²⁹ П. Житецкий, Мысли о народных малорусских думах. Киев, 1893, с. 171.

Огромное значение дум для украинского народа подчеркивал Н. А. Добролюбов в своей статье «Кобзарь Тараса Шевченко»: «...известно, что в песне вылилась вся прошедшая судьба, весь настоящий характер Украины; песня и дума составляют там народную святыню, лучшее достояние украинской жизни. В них горит любовь к родине, блещет слава прошедших подвигов; в них дышит и чистое, нежное чувство женской любви, особенно любви материнской... Весь круг жизненных, насущных интересов охватывается в песне, сливается с нею, и без нее сама жизнь делается невозможной»³⁰. И. Ягич в статье «Дунай в славянской народной поэзии» называл украинскую народную поэзию «самой богатой, задушевной и прекрасной народной поэзией»³¹. Восторженно отзывается об украинских исторических песнях и думах А. В. Луначарский. «Украинские думы, — писал он, — через столетия переданные гомерами Украины — кобзарями, сияют всеми своими красками: рыцарством в любви и во вражде, размашистой казацкой отвагой, тонкостью чувства и философской вдумчивостью»³².

Украинская дума получила высокую оценку западноевропейских поэтов и ученых-исследователей. Еще в 1846 году немецкий поэт и переводчик русских писателей Фридрих Боденштат, приехавший в Россию и совершивший поездку по Украине, Грузии, Армении и Персии, отмечал, что «ни в какой другой стране древо народной поэзии не принесло таких величественных плодов, нигде дух народа не запечатлелся так живо и светло в песнях, как у малороссов»³³.

Столь же высокая оценка украинской народной поэзии дается Рамбо, Тальва, Рольстоном и др. иностранными писателями.

Украинские исторические песни и думы являлись не только предметом всеобщего восхищения, к ним постоянно обращались писатели и поэты, черпая отсюда и сюжеты, и образцы, и поэтические формы для своего творчества. Н. В. Гоголь в статье «О малороссийских песнях» патетически восклицал, что «... песня для Малороссии — все: и поэзия, и история, и отцовская могила». Из текста статьи видно, что под песнями разумел великий писатель и думы, а в «Тарасе Бульбе» можно обнаружить прямые следы дум, даже почти

³⁰ Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, М., 1952, т. I, с. 340.

³¹ «Архив», изд. Ягича, 1875, т. II.

³² А. В. Луначарский, Статьи о литературе, М., 1957, с. 420.

³³ Старая Украина, сборник дум, песен, легенд, Петроград, 1916, с. 10.

дословные цитаты из них, в частности из думы об «Ивасе Коновченке»³⁴.

Художественное влияние украинских дум, по собственному признанию, испытал и А. С. Пушкин. Создавая образ Марии в своей бессмертной «Полтаве», А. С. Пушкин руководствовался душевной красотой и нежностью женских типов украинских дум. Известный фольклорист М. А. Максимович вспоминал, что в одно из посещений своих Пушкина он застал поэта за своим сборником. «А я обираю ваши песни», — сказал Пушкин. Он писал в это время «Полтаву», вышедшую в 1829 г.³⁵ М. П. Погодин свидетельствует о неподдельном интересе А. С. Пушкина к песням, издаваемым М. А. Максимовичем. Внимание поэта к этим песням подтверждается и строками письма Н. В. Гоголя о сборнике 1834 года: «я похваляюсь им перед Пушкиным»³⁶.

Безусловно, народная поэзия, народно-песенная мелодия, народное творчество являются неисчерпаемой сокровищницей творческих достижений, тщательно проверенных национальным самосознанием, и современный деятель той или иной отрасли данной национальной культуры не может избежать его воздействия³⁷.

Глубокое знание А. С. Пушкиным народной поэзии сыграло огромную роль в формировании его поэтического гения. Английские писатели Вальтер Скотт и Томас Мур черпали из народных песен вдохновение для своих художественных творений. Всеобъемлющая лира Гете в лучших своих песнопениях настраивалась на лад старонемецких «лидов». Баллады Уланда так близки к своему источнику, что заменяют для народа прежние, его собственные произведения. Знаменитые «Кампанелла» Паганини и «Тарантелла» Россини имеют в основе итальянские народные песни. Григ широко пользовался в своих произведениях фольклорным материалом. «Я записал народную музыку моей родины», — говорил он, имея в виду свои фортепианные и вокальные миниатюры. Творчество Шопена, насыщенное утонченной гармонией и глубокой эмоцией, органически связано с польской народной музыкой.

«Дело собирателей народной поэзии есть великая заслу-

³⁴ М. Рыльский, Об украинских думах. «Украинские народные думы». М., 1963, с. 6.

³⁵ «Вестник Европы», 1874, март, с. 447.

³⁶ Там же.

³⁷ М. П. Штокмар, Исследования в области русского народного стихосложения, Москва, 1952, с. 3.

га»³⁸, — писал А. Н. Пыпин. И действительно, как отмечал П. Кулиш, спасти от забвения памятник жизни своего народа есть истинный подвиг, т. к. сочувствовать песне, странствующей как сирота между людьми, и сберечь ее от забвения — не то ли самое, что приютить живую душу, которая без нашей заботливости исчезла бы с лица земли? Расширить своими открытиями круг исторических сведений — не значит ли сделаться самою частью истории? Провести источник родного слова и духа к будущим писателям — не значит ли быть двигателем их успехов³⁹.

За дело собирания и изучения страниц из великой книги народного эпоса и взялся Н. А. Цертелев. Первый этнограф, обратившийся к изучению народной украинской поэзии, Николай Андреевич остановился именно на одной из любопытнейших ее сторон — исторической думе⁴⁰.

В 1814 году 50-летний слепой певец-бандурист, обходя Полтавскую губернию, был встречен теплым вниманием 25-летнего Николая Андреевича, который записал с его слов «все, что он знал». Сам Н. А. Цертелев следующими словами описывает свою встречу с бандуристом: «Это был простой казак лет около 50. Ему велели воспеть хвалу одному почтенному вельможе. Слепец, подумав не более минуты и сделав несколько прелюдий на многострунной бандуре, начал петь довольно правильными силлабическими стихами; сопровождал голос звуками инструмента и весьма удачно исполнил свое дело. Начало его песни врезалось в мою память...»⁴¹.

Итак, «древнейшие малороссийские думы первый раз для России были записаны»⁴², — писал журнал «Вестник Европы». Впоследствии статьи Н. А. Цертелева о старинном украинском творчестве, грамматике и словесности периодически публиковались в «Сыне Отечества» и других журналах и при слабой известности источников и весьма малом числе исследователей в свое время сыграли определенную роль в изучении народной словесности и этнографии Украины.

В 1819 году в Петербурге выходит книга Н. А. Цертелева под заглавием «Опыт собрания старинных малороссийских песней». Отмечая значение выхода этой книги, А. Пыпин пи-

38 А. Н. Пыпин, История русской этнографии, СПб., 1891, т. III, с. 195.

39 П. А. Кулиш, Записки о Южной Руси, I, 1856, с. 220—221.

40 А. Н. Пыпин, Обзор малорусской этнографии — «Вестник Европы», 1885, август, с. 754—755.

41 «Вестник Европы», 1885, август, с. 754—755.

42 «Вестник Европы», 1827, июнь, с. 275.

сал: «Книга кн. Цертелева была первым приступом к предмету, который до тех пор был чужд литературе русской и малорусской, но самая мысль о народном поэтическом предании и в то время была уже не нова»⁴³.

В книге Н. А. Цертелева «Опыт собрания старинных малороссийских песней» были помещены тексты десяти дум и эпических песен с комментариями, предисловием автора и объяснением украинских слов.

Не вдаваясь в подробный анализ происхождения термина «думы», следует обратить внимание на тот факт, что Н. А. Цертелев, опубликовав сборник украинских дум, не употребил этого термина ни в заглавии своей книги, ни в предисловии и комментариях к ней. Вопрос о происхождении термина «дума» неоднократно занимал исследователей народной поэзии и по-разному ими решался. П. Д. Павлий заявлял, что термин «дума» народного происхождения и был счень распространен в украинском народном языке в XVI—XIX веках. Однако он вынужден признать, что первый издатель украинских дум Н. А. Цертелев не употребил этого термина потому, что в соответствующем значении он отсутствовал в народном обиходе⁴⁴.

Сборник Н. А. Цертелева «Опыт собрания малороссийских песней» вызвал всеобщий интерес тогдашних литературных кругов и оказался началом дальнейших плодотворных, уже значительно более строгих, с научной точки зрения, этнографико-литературных изучений⁴⁵.

43 А. Н. Пыпин. Обзор малорусской этнографии, стр. 757.

44 Б. П. Кирдан, Украинские народные думы. М., 1962, с. 12—14.

45 Подробный анализ достоинств и недостатков записей к публикации дум Н. А. Цертелевым см. в кн. Б. П. Кирдан, Собиратели народной поэзии. М., 1974, с. 37—45. В частности, Б. П. Кирдан отмечает, что думы в сборнике Н. А. Цертелева напечатаны со многими орфографическими ошибками, однако в этом вина не только издателя, но и типографии. Когда Н. А. Цертелев готовил сборник к печати, еще не было опыта публикации народных дум, не было требования записывать и печатать произведения устной народной поэзии в том виде, в каком они исполнялись. Не исключено, пишет далее Б. П. Кирдан, что Н. А. Цертелев, встретив кобзарей, записал от них тексты дум в том виде, в каком услышал. Но затем, перечитав записанное, увидел что эти же думы не воспринимаются так, как во время устного исполнения их кобзарями. Тогда он решает придать им литературный вид, благодаря которому их поэтичность воспринималась бы лучше.

Сам Н. А. Цертелев считал возможным делать определенные исправления в записываемых текстах потому, что ему приходилось делать свои записи часто не «из уст простого народа», а прибегая к песенникам,

Собранные Н. А. Цертелевым украинские народные думы можно разделить на три цикла: в первый входят думы, повествующие о турецко-татарской неволе и борьбе украинских народных масс с турецко-татарскими захватчиками в XV — начале XVII в.; второй цикл дум посвящен событиям национально-освободительной войны украинского народа в 1648—1659 годах под руководством Богдана Хмельницкого против польской шляхты, третий цикл — семейно-бытовые думы.

В старейших думах (XV — нач. XVII в.) славятся героизм и самоотверженность казаков в борьбе с иноземными захватчиками и угнетателями. Собственно говоря, в этих думах описаний боевых эпизодов сравнительно мало, преобладают сцены, в которых действующие лица рассказывают о тяжелых последствиях турецко-татарских разорений и погромов и своем стремлении к освобождению себя от этих последствий⁴⁶. Отважные подвиги защитников отчизны, свершенные в борьбе с османскими захватчиками, страдание украинских пленников-рабов в турецко-татарской неволе, невыносимая тоска невольника по родным местам, страстная жажда свободы — вот в чем заключается лейтмотив старейших дум. «Если стойкий характер, негибкая воля и патриотизм героев невольничьих дум проявляются и раскрываются в неимоверно тяжелых условиях рабства, то в думах о боевом подвиге те же качества героев раскрываются в борьбе с врагами...»⁴⁷

«Зная, с каким невниманием издаются у нас сии последние, считаю упомянутые поправки не только позволительными, но даже необходимыми, дабы сколько-нибудь приблизиться к истинному тексту». Однако, как совершенно справедливо отмечает В. Базанов, здесь речь идет «о правке тех песен, которые вошли в рукописные сборники «обезображенных переписчиками». В каждом отдельном случае Цертелев считает своей обязанностью сообщать в специальных примечаниях разночтения и варианты. (В. Базанов, Ученая республика, М., 1964, с. 253). После издания сборника «Опыт собрания старинных малороссийских песней» Н. А. Цертелев опубликовал ряд статей, в которых он решительно высказался за то, чтобы публикация фольклорных текстов происходила с особой тщательностью, безо всякого исправления «старинного слога» (Н. А. Цертелев, Взгляд на русские сказки и песни и повесть в духе старинных русских стихосложений. СПб., 1820, с. 2—3, 14, 18).

⁴⁶ П. Житецкий, Мысли о народных малорусских думах. Киев, 1893, с. 137.

⁴⁷ Б. П. Кирдан, Думы — «Украинские народные думы», М., 1972, с. 34.

После того, как Османская империя в 1475 году подчинила своей власти берега Черного моря, турки совместно с крымскими татарами начали постоянно проводить опустошительные набеги на Украину.

Захваченные в плен мирные жители Украины тысячами продавались в рабство на невольничьих рынках в Константинополе и Крыму. По мнению Ф. Колессы, именно среди этих невольников и возникли первые невольничьи песни, которые через беглецов из неволи проникали на Украину⁴⁸.

Как по характеру, так и по времени возникновения к первому циклу относится дума «О побеге трех братьев из Азова», которой открывается сборник «Опыт собрания старинных малороссийских песней», составленный Н. А. Цертелевым. По своей специфике она непосредственно не примыкает к думам, основным содержанием которых является тоска и печаль невольников и их просьба о помощи. В думе «О побеге трех братьев из Азова» едины глубокая моральная идея и психологические моменты, и она повествует не о страданиях невольников, а о судьбе беглеца.

Когда невольник, закованный османами в кандалы, сидел в темнице и с надеждой взирал на клочок голубого неба, или томившийся на галерах за веслами в страстных мечтах стремился «на ясній зорі, на тихій воді» родного края, сложенная им песня⁴⁹ выражала тоску и печаль, она звучала как отголосок стона, вырвавшегося из уст несчастного. Но это был не только стон, а и проклятие, обращенное к его мучителям.

Когда же невольник чудом спасался из плена и осознавал всю радость свободы, когда пережитые им ужасы неволи и нечеловеческого страдания якобы предавались забвению, именно тогда беглецом овладевало страшное чувство страха перед погоней и новым пленением.

Дума «О побеге трех братьев из Азова⁵⁰» — одна из наиболее популярных украинских дум, созданная примерно в конце XV или XVI в. Она проникнута удивительной любо-

48 Ф. М. Колесса. Українські народні думи. Львів, 1920, с. 64.

49 Как уже отметили, существует мнение, что зачастую творцы дум сами были непосредственными свидетелями событий. Например П. Кулич писал: «...воинские думы сложены самими действующими лицами кровавых трагедий страны». П. А. Кулиш, Записки о Южной Руси, т. I. СПб., 1856, с. 193.

50 Азов — один из древнейших городов Причерноморья. Расположен на р. Дон в 8 км от ее устья. Город был захвачен османами в 1471 году и являлся обширным невольничьим рынком. Азов был присоединен к России в 1739 году.

вью к жизни. Но стихийная жажда жизни в ней сочетается с глубоким пытливым исканием правды и справедливости⁵¹.

Три брата бегут из тяжелой турецкой неволи. Двое — на конях, а третий, самый младший, которому не достался конь, пеший спешит за ними и «кров'ю сліди заливає». Он молит братьев о помощи, чтобы его «до городів кристи-янських» довели. Даже при одной мысли о том, что он останется в дикой и нелюдимой степи один-одинешенек и что в скором времени он окажется в руках мчавшейся следом за ним погони, приводят несчастного в отчаяние. Но старший брат отказывает ему, объясняя, что, захватив его, пешего, с собой, они едва-ли спасут его и сами окажутся перед смертельной опасностью. Старшие братья ускакали, а младшего бросили в степи на произвол судьбы. Горькие думы овладевают им. Он вспоминает, как труден был побег, как близка была свобода и родной очаг. Но в любящем сердце младшего брата не было и капли горечи и негодования на братьев. Ведь он был уверен в том, что братья, покидая его, испытывали страшную душевную боль, и оставили его лишь по той причине, что им так же хотелось жить, как и ему. А если у братьев другого выхода не оставалось, зачем же им было погибать из-за него? Поэтому он и не порицает их. В своем несчастье он так кроток духом, что является для своих братьев самым беспристрастным, самым снисходительным судьей⁵².

Образ младшего брата становится еще привлекательнее, гуманное его чувство становится еще нагляднее, когда мы читаем думу до конца. Следуя по направлению, куда исчезли его братья, он находит клочки от братнина красного жупана. Думая, что братьев постигла злосчастная судьба, покинутый казак горько их оплакивает и молит бога помочь ему, чтобы он смог отыскать тела погибших братьев и отдать им последний долг.

«Коли б мені бог
Милосердний поміг,
Тіло козацьке находити,
В чистім полі хоронити».

И вот настал последний час его жизни. Изнуренный казак встречает смерть на «Савур-могиле»⁵³. Смирившись с не-

⁵¹ Старая Украина, сборник дум, песен, легенд. Петроград, 1916, с. 28.

⁵² Там же, с. 129.

⁵³ Савур-могила — одна из возвышенностей Донецкого края. Находится она у истока р. Камышевахи между р. Миусом и ее притоком Крынкой.

отвратимым роком, он спокойно встречает кончину. Казак уже не боится смерти. Еще недавно он страшился мысли, что его тело станет добычей зверей и птиц и поэтому, прощаясь с братьями, умолял их:

«То прошу Вас, братці, на праву сторону звертайте,
Шаблі із ніх винімайте,
Тіло мое порубайте,
В чистім степу поховайте,
Звірю да птиці на поталу не дайте».

Сцена смерти молодого казака производит неизгладимое впечатление. «Если бы искусный живописец взял кисть и с точностью начертал каждое слово, — писал Н. А. Цертелев, — мы бы увидели полную и вместе с тем разительную картину»⁵⁴. Но автор думы не довольствуется только описанием сизых орлов, выклеывающих глаза безвременно погибшему казаку, или косматых волков, глодавших в кустах кости несчастного юноши. В эту картину, полную драматизма и ужаса, проникает элемент тихой и неутешной горести. Раздается жалобный голос кукушки, этой вестницы печали, которая над головой казака поет свою однозвучную унылую песню, как сестра оплакивает брата или мать сына.

«Где се взялась сиза зозуленька, в головах сідала,
Жалібно кувала;
Як сестра брата, або мати сина оплакала».

Но и умирая, казак не отделим от природы. Его последний взглас не звучит вразлад с голосами жизни. Эта смерть пантеиста, который и умирает, и живет, не отделяясь от природы, который дышит одним с нею дыханием. На его похоронны природа посылает все живое. Это не оплакивание, не смерть; это цепь непрерывающейся всеобщей жизни⁵⁵.

В думе «Смерть Федора безродного» также дана величественная картина одиноко умирающего казака. Но это не смерть брошенного собственными братьями среди дикой степи на произвол судьбы несчастного беглеца, а гибель воина на поле брани.

Весь иссеченный и изрубленный Федор безродный умирает. Молодой джура⁵⁶ не покидает смертельно раненного

⁵⁴ Н. А. Цертелев, Опыт собрания старинных малороссийских песней», СПб., 1819, с 8

⁵⁵ А. Н. Лисовский. Опыт изучения малорусских дум. Полтава, 1890, с. 42.

⁵⁶ Джура—оруженосец из молодых казаков, находившийся неотлучно при казацких старшинах.

героя и промывает ему раны. Федор просит джуру посмотреть, не плывут ли казаки по Днепру, и, если он их встретит,

«То объяви: нехай вони човни до берега привертають Мене, козака Федора безродного, навіщають».

Джура находит казаков и приводит их к смертельно раненному воину. Федор хвалит джуру за усердие и перед смертью дает ему отеческое наставление:

«Чуро мій, чуро,
Вірний слуго,
Коли ти будеш вірно пробувати,
Будуть тебе козаки поважати».

Славного героя хоронят торжественно, по обряду, предписанному традициями:

«Тогді козаки шаблями суходіл копали,
Шапками, приполами персть виймали,
Федора безродного ховали,
В семип'ядні пищалі гримали».

«Главный момент в думе — это нежелание Федора умирать одиноким. Так и дума кончается знаменательным двустушием:

«То ще добре козацька голова знала,
Що без війська козацького не вмирала»⁵⁷.

Дума «Смерть Федора безродного», в которой была воплощена тема боевого подвига защитников родной земли, по мнению Б. П. Кирдана, возникла и бытовала в силу общественной необходимости. Главный герой дум, умирая, посвящает своего молодого джуру в казацкие обычаи, учит правилам поведения. Совершенно очевидно, что слово умирающего атамана было адресовано не только джуре, но и всем молодым казакам, которые слушали думу⁵⁸.

Дума «О смерти Ивася Коновченка, или о походе казаков против татар», как и дума «О смерти Федора Безродного» воплотила тему боевого подвига защитников родной земли.

«Корсунский полковник Филоненко» призывает казаков в поход против татар:

⁵⁷ А. Н. Лисовский, Ук. соч., с. 47.

⁵⁸ Б. П. Кирдан, Украинские народные думы, с. 212.

«Ідіте зі мною на Черкеню-долину гуляти,
Слави-рицарства козацькому війську доставати».

Далее в думе говорится, что в городе Черкасах жила пожилая вдова, которая взрастила единственного сына — Ивася Коновченко. Когда старая мать узнала о походе казаков под предводительством Филоненко, она запрятала под замок все оружие и коней куда-то удалила, чтобы удержать дома любимого сына.

Ивась горячо откликается на призыв полковника Филоненко. Между матерью и сыном происходит спор. Ивась упрекает ее: вместо того, чтобы прятать от него оружие и коней, лучше было бы, если бы она

«У наряді доброго коня купувала,
Мене, молодого, в поході знаряжала».

Мать уговаривает Ивася остаться дома: есть у них хозяйство, есть у них чем жить. Чем с корсунским полковником с татарами воевать ходить, лучше казаков к себе в гости пригласить и вместе с ними время проводить.

«Можеш добре у Черкасі поживати,
Козаків на хліб, на сіль закликати».

Но отвлечь сына от мыслей о походе матери не удается. Ивась говорит матери, что если он не вступит в войско, то его

«На підпитку гречкосієм, домонтарем величати,
Коня мого прибудую називати».

Ивась пренебрегает судьбой живущего в довольстве домоседа. Он стремится:

«Піти під город Тягиню⁵⁹ гуляти,
Слави-рицарства доставати».

Б. П. Кирдан отмечает, что главная причина, побудившая Ивася вступить в охотное войско, несмотря на то, что она в разных вариантах думы варьируется, неизменно остается патриотической. Ивась идет в войско, чтобы не утратить отцовской славы, которая была добыта в борьбе с врагами родины; чтобы защитить Украину от татар, чтобы не дать им угонять ее жителей в чужие страны. «Столь высокие цели (кстати, они называются только в этой думе) обеспечили молодому герою народную любовь»⁶⁰.

⁵⁹ Тягиня—старинное название крепости и города Бендеры на Днепре.

⁶⁰ Б. П. Кирдан, Украинские народные думы, с. 246.

Убедившись в непреклонности Ивася, мать благословляет его на поход против татар. Ивась спешит из дому и скоро прибывает к месту сбора казаков.

Полковник Филоненко вызывает охотников под его руководством

«...на Черкеню-долину гуляти,
Слави-рицарства козацькому війську доставати».

На этот вызов откликается Ивась Коновченко. Полковник — старый вояка, отважный, но в то же время и рассудительный человек, отказывает ему из-за его молодости. На это Ивась смело возражает полковнику:

«Не всі старі птці високо літають,
Не всі старі шуки карасів хватають,
Трапляється, батьку, що крича малее
Ловить рибку краще, ніж старее».

Полковник, которому понравились с большим задором произнесенные слова Ивася, берет его с собой в поход. Во время похода Ивась

«Двенадцять татар пред меч прийняв,
Шість на аркан зв'язав».

За этот подвиг сам полковник Филоненко приглашает Ивася к себе, в его честь дается пир, все прославляют героя. Успех вскружил голову отважному юноше. Он жаждет новых побед и просит благословения у полковника Филоненко.

«Благослови мені, батьку, оковитої напитися,
Я не зарікаюсь з бесурменами ще лучче побитися».

Благоразумный и заботливый полковник не советует выпившему Ивасю «з бесурменами на долину гуляти». Но тот самонадеянно заявляет:

«Сей мені хміль не буде заважати,
«А буде моему серцю смілості додавати».

И вот храбрый Ивась по долинам разъезжает, на смех татар поднимает. Вдруг «саранчою на козака» налетели татары и ему «шаблями, пістолями смертние рани дарували».

«Татары, убив козака, — писал Н. А. Цертелев, — хотят поймать лошадь его, но борзый конь.

«... до табура прибігає,
По куренях гуляє,
Острими копитами землю копає.
Смутно ржучи, козака свого викликає».

«Подобное изображение не испортило бы лучшей поэмы: Я вижу, кажется, как бурный конь прибегает во стан, смутно ходит между шатров, острыми копытами роет землю и унылым ржанием вызывает козака своего»⁶¹.

Филоненко журит казаков за то, что они отпустили пьяного Ивася. Казаки бросаются к оружию, скачут к месту происшествия и отбивают у татар тело безвременно погибшего товарища. Посреди поля казаки острыми саблями роют могилу, опускают в нее тело Ивася Коновченко, шапками приносят землю, насыпают высокий холм, стреляют, трубят в трубы и наконец с печальной песней в честь храброго воина покидают его могилу.

Дума «О смерти Ивася Коновченка» заканчивается рассказом о том, как старая мать встретила казацкое войско, возвращавшееся из похода, как она в ожидании сына выставила «солодкий мед» и торжественно готовится к долгожданной минуте... Но вдруг она увидела, что «два козака козацкого коня на поводах веде». Сокрушается сердце матери. Она убита горем, тем не менее устраивает пир для боевых товарищей своего сына, пир «похорони й весілля», а затем раздаривает оружие и коня погибшего героя. «Это столь известный в истории Украины тип «удовы», — пишет А. Н. Лисовский, — соединяющий в себе нежную любовь матери с гражданской строгостью матроны»⁶².

Таким образом, молодому герою было суждено безвременно погибнуть за то, что он пренебрег советами старших и ввязался в бой в пьяном виде.

Б. П. Кирдан отмечает, что нарушение нравственных норм оказалось настолько большим преступлением, что Ивася Коновченко не спасли и героические подвиги на поле брани. Ученый предполагает, что к тому времени, когда окончательно сложилась дума об Ивасе Коновченко, борьба с турками и татарами отошла в прошлое, перестала волновать исполнителей и слушателей эпических произведений. «Тема борьба с захватчиками постепенно отодвинулась на второй план, стала только фоном, на котором разыгралась драма нарушившего этические и моральные нормы поведения»⁶³.

В процессе бытования целый ряд эпических произведений трансформировались из героических в моралистические. Так, например, некогда героическая дума «О Алексее Попо-

⁶¹ Н. А. Цертелев, Опыт собрания старинных малороссийских песней. с. 10—11.

⁶² А. Н. Лисовский, Ук. соч., с. 48.

⁶³ Б. П. Кирдан, Украинские народные думы, с. 247—248.

вие или о буре, претерпленной казаками на море» со временем оказалась подчиненной моралистической идее: основное содержание думы составляет раскаяние грешника⁶⁴.

В Думе «О Алексее Поповиче» описан морской поход запорожцев. На Черном море казаков настигает буря. Разбушевавшаяся стихия «Судна казацькі на три часті разбиває». Атаман Грицко Зборовский приказывает казакам признаться в своих грехах. Он уверен, что кто-то из его сподвижников совершил «велики гріх», ведь недаром же разыгралась такая страшная буря.

И вот, среди гробового молчания возвышает свой голос Алексей Попович, — «писар військовий, козак лейстровий». Он следующими словами обращается к своим товарищам:

«Мені чорною китайкою очі зав'яжіте,
До шні білий камінь причепіте,
В Черное море зінхніте:
Нехай буду один погібати».

Казаки в недоумении окружили Алексея Поповича. Ведь, ты, говорят они ему:

«Нась, простихъ людей, на все добре наставляешъ;
На що соби великій гріхъ маешъ?»

На эти слова Алексей Попович откровенно сознался в своих грехах, которые заключались в том, что перед походом он проявил непослушание и грубость по отношению к родителям, малым детям и вдовам. Как только Алексей Попович перечислил свои грехи и признал себя виновным, буря на море мгновенно унялась, утихла.

Отношение к отцу и матери — почти религиозное чувство в душе казака. К отцу и матери переносится он душой в самые тяжелые минуты своей жизни, в своей смертный час⁶⁵. И поэтому неуважение, проявленное Алексеем Поповичем по отношению к родителям, казаки воспринимают как самый тяжелый грех. Конечно, в украинских думах вопросы семьи и родственных отношений занимают значительное место. Однако не «прославление силы родительской молитвы», а проповедь «высокой общественной морали и нравственности лежит в основе украинских народных дум»⁶⁶.

В думе «О Алексее Поповиче» с большим художественным размахом и мастерством обрисована величавая карти-

64 Б. П. Кирдан, Думы — «Украинские народные думы». с. 40.

65 Старая Украина, сборник дум, песен, легенд, с. 51.

66 Б. П. Кирдан. Украинские народные думы, с. 263.

на бури. Среди Черного моря, вздыбленного буйными ветрами и освещенного тусклым светом заволоченной тяжелыми, свинцовыми тучами луны, возвышается белая скала, на которой гордо сидит сокол и криком своим возвещает бурю:

«На Чорному морі,
На білому камені,
Ясень соколъ жалобно квилить, проквилея,
Смутно себе мае,
Що на Чорному морі недобре починає».

«Около этой белой скалы, — писал А. Лисовский, — резко выделяющейся среди кипящих кругом темных валов Черного моря, собирается весь эффект грандиозного зрелища, а присутствие сокола усиливает и углубляет этот эффект. Тревожный, пристальный взгляд сокола обнаруживает в нем напряженную работу мысли, а тихий и жалобный стон.. — страдание. В то время, когда вся природа бушует, только этот стон свидетельствует о страдании. Но услышав его, вы откроете те же возгласы страдания и в яростном прибое валов и в тоскливом завывании ветра. Вся картина преобразается; столкновение слепых стихий, бесчувственных и неразумных, кажется нам проникнутым мыслью, и этот феномен внешней природы представляется нам как бы гневом или скорбью какого-то великого существа, проявлением мировой печали»⁶⁷.

«Прекрасные Оссиановы⁶⁸ описания бури едва заключают в себе более живости и верности»⁶⁹, — говорил Н. А. Цертелев об этой поистине величавой картине.

Опубликованные Н. А. Цертелевым думы «Тоска сестры по брате» и «Отъезд казака из родины» носят семейно-бытовой, лирический характер. Их основная идея — борьба за укрепление общественной и семейной морали⁷⁰.

Дума «Тоска сестры по брате» начинается печальным рассказом о том, как несчастная сестра, безутешная в своем одиночестве, зовет к себе дорогого и любимого брата.

«Братіку мій милий,
Як голубонько сизий,
Прийди до мене із чужої сторони,
Посити мене при лихій годині».

67 А. Н. Лисовский, Ук. соч., с. 45

68 Легендарный шотландский бард.

69 Н. А. Цертелев, Опыт собрания старинных малороссийских песней, с. 10.

70 Б. П. Кирдан, Думы — «Украинские народные думы», с. 39.

Одиночество бедной женщины, которую постигло несчастье, — она осиротела, заставило сестру звать брата навес-
тить ее.

«На моім, брате, подвір'ї ти голубеньком пади,
Добре слово взговори,
Мое сердце сиротськее взвесели!»

Но плач ее безутешен. На просьбу сестры приехать к
ней в гости брат ответил отказом. Он ссылается на труд-
ности.

«Як я маю прибувати,
Тебе навіщати,
За темними за лісами,
За дальними за степами,
За бистрими за водами?»

Примечательно, что когда брат отказался навес-
тить сестру, она говорит не о тяготах жизни на чужбине, а о непо-
стоянстве отношений между людьми⁷¹. Как только с бедной
девушкой случилась беда, с того же дня ее соседи, знако-
мые, близкие друзья начали с недоверием и пренебрежением
обращаться с ней. Поэтому сестра с прискорбием взывает
к брату, просит о помощи. Ее слова, которыми завершается
дума, со всей яркостью рисуют разительную картину контра-
ста, изображая, с одной стороны, нарядных, празднично на-
строенных людей и неутешную, одинокую сироту, с другой.

«Чужі, брате, сестри з дому божого ідуть,
Всі як пчолочки гудуть,
На хліб, на сіль людей закликають,
Мене ж, брате, словом не займають,
Мов в очі не знають;
А як колись з нами хліб-сіль поважали,
В той час кумами, побратами звали,
А як пришибла нещасна година,
Названа і кривна одреклась родина!»

В думе «Тоска сестры по брате», изображена одна из стор-
он реальной жизни. И в этом произведении народные певцы
встали на защиту обездоленных, боролись за укрепление об-
щественной морали⁷².

Как отмечают исследователи, вторая дума «Отъезд коза-
ка из родины» представляет развитие той же темы: тоски по

⁷¹ Б. П. Кирдан, Украинский народный эпос. М., 1965, с. 298.

⁷² Там же, с. 301.

роду. Однако тот же мотив вызван тут иными обстоятельствами. Здесь семейный разлад влечет за собой разрушение рода и одиночество⁷³. Содержание думы состоит в том, что отчим прогоняет из дому пасынка. А убитая горем мать со слезами провожает страстно любящего сына. Она с болью в сердце говорит ему:

«Нехай тебе чужий отец, синоньку, не лае,
Щастя твого козацького навiк не збавляе,
Тяжко—тяжко мені тебе з дому одправляти,
А ще тяжче біля себе в знегоді держати!
Хоть поїдеш на чужину, сльози мені лити;
Хоть оставлю тебе, синку, повсяк час тужити!»

Н. А. Цертелев в предисловии к сборнику «Опыт собрания старинных малороссийских песней» отмечая художественную силу и психологическую глубину этих слов, писал: «Здесь видно сердце матери, раздираемое настоящим горестным положением сына и неизвестности, которая грозит ему в будущем... Она желает и страшится разлуки, что может быть мучительнее положения сего? — Сочинитель, конечно, не имел никакого понятия о правилах поэзии; не знал ни Горация, ни Буало, ни Батте, ни Ешенбурга — но природа щедрая к любимцам своим, внушила ему сии счастливые выражения»⁷⁴.

Далее Н. А. Цертелев описывает момент отъезда казака из дому. В задумчивости стоит казак, старшая сестра выводит ему коня вороного, средняя выносит доспехи, мертвая тишина окружает всех. Наконец меньшая сестра, как бы преодолев себя; спрашивает рыдая: с какой стороны ожидать тебя брат мой? Казак отвечает:

«Возьми ти, сестро, жовтого піску,
Та посій ти, сестро, на білому камні,
Коли буде жовтий пісок виростати,
Зеленим барвінком камень устилати,
В той час буду, сестро, до вас прибувати!»

Н. А. Цертелев отмечая, что ответ брата сестре выражен в иноказательной форме, писал: «Стихи, они кроме удачного изображения горести казака, привязанного к отчизне своей и родным, представляют вместе способ выражаться подобиями и сравнениями...»⁷⁵.

⁷³ А. Н. Лисовский, Ук. соч., с. 39.

⁷⁴ Н. А. Цертелев, Опыт собрания старинных малороссийских песней, с. 15.

⁷⁵ Там же.

Затем Н. А. Цертелев описывает финал думы. «Казак уезжает, уже он чуть виден вдаль, где же родные его? В конце деревни зеленеет холм, несколько женщин в унынии стоят на оном, простирая по дороге печальный взор свой. Это они, это его родные. Долго, долго провожают они глазами любимца своего. Наконец, казак сокрылся и печальное семейство с горестью возвращается домой, дабы еще долее его оплакивать.

«Довго вони на мигилі край села стояли,
Довго-довго казаченька вічми проводжали,
А ще довше вони його дома оплакали».

Какое чувство и живость изображения! Читая место сие, невольно вспоминаю трогательную разлуку Гектора с Андромахой. Малороссийский сочинитель без сомнения не читывал Иллиады и не слышал о Гомере. Но законы природы общи и неизменны. Человек, истинно тронутый предметом своим, говорит ясно, резко и часто весьма сходно с другим, отдаленным от него и пространством и временем, но находившимся в подобном положении»⁷⁶.

Следующий цикл дум, включенный в сборник Н. А. Цертелева, посвящен событиям национально-освободительной войны украинского народа в 1648—1654 годах под руководством Богдана Хмельницкого против польско-шляхетского гнета. К этому циклу относятся думы: «О хитрости употребленной Богданом Хмельницким против Барабаша», «О походе Багдана Хмельницкого в Молдавию», «О смерти Богдана Хмельницкого»⁷⁷.

«Огромные заслуги Цертелева перед украинской фольклористикой в том, — пишет Б. П. Кирдан, — что он в 1810-х годах записал на Полтавщине думы о народно-освободительной войне 1648—1654 гг. и сохранил тем самым для потомства ценнейшие эпические памятники, бытовавшие там в конце XVIII — начале XIX в.»⁷⁸. Вместе с тем следует вспомнить, что сам Н. А. Цертелев героическую борьбу украинского народа, поднявшегося под водительством Богдана Хмельницкого против шляхетской Польши за национальное освобождение и воссоединение с братским русским народом, называл «временем славы и свободы, возбужденным Хмельницким»⁷⁹.

⁷⁶ Там же, с. 116.

⁷⁷ Подробный анализ дум см. в кн.: Б. П. Кирдан, Украинский народный эпос, М., 1965, с. 15—42, 56—74, 87—97.

⁷⁸ Б. П. Кирдан, Собиратели народной поэзии. М., 1974, с. 36.

⁷⁹ «Вестник Европы», № 9, май, 1827, с. 278.

Таков краткий обзор некоторых украинских дум, записанных и изданных Н. А. Цертелевым.

III

Н. А. Цертелев на первой странице своей книги «Опыт собрания старинных малороссийских песней» поставил эпиграф из трагедии «Пожарский»

И стены, камни, все и даже самый дым
Жилищ отеческих, я сердцу чту святым»⁸⁰.
«И гробы праотцев, обычай их простой

А предисловие этой книги он заканчивает следующими словами: «...боюсь наскучить читателю предметом, который для меня столь занимателен; воспоминание о родине наполняет душу каким-то неизъяснимым удовольствием»⁸¹.

Вообще для работ Н. А. Цертелева была характерна идеализация всего национального прошлого, восходящего к далеким векам, покрывавшая это прошлое какой-то розовой дымкой. По его словам, думы — «сии памятники народного гения», заключающие «в себе и силу выражения и прелесть гармонии», — свидетельствовали «о красоте разрушенного здания»⁸². Понимание Н. А. Цертелевым научной важности исследования устно-поэтических памятников проходило под влиянием романтического интереса к народности и народной старине. Представление о природе украинского фольклора и его истории у него не выходило за пределы типично романтических фантазий о безличном «народном творчестве», которое трактовалось им как «старина», «умирающий отголосок гармонии, некогда слышанный на берегах днепровских»⁸³.

Но от изучения устной поэзии Н. А. Цертелев ждет не только успехов литературного романтизма⁸⁴, она в его суждениях представляется отражением быта и жизни конкретного народа с его особой судьбой и особыми нравами: «Памятники древности тем занимательнее, — писал Н. А. Цертелев, — чем более удовлетворяют любопытству нашему ка-

⁸⁰ Н. А. Цертелев, Опыт собрания старинных малороссийских песней, СПб., 1819, с. 1.

⁸¹ Там же, с. 17.

⁸² Там же, с. 5.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Н. А. Цертелев был последователем пассивного, консервативного романтизма. Об этом см 53—61 стр. наст. работы.

сательно протекшего. Не смею в отношении сем ценить собранных мною песней; но если стихотворения сии не могут служить объяснением малороссийской истории, по крайней мере в них виден пиитический гений народа, дух его, обычаи описываемого времени и, наконец, та чистая нравственность, которою всегда отличались малороссияне и которую тщательно сохраняют по сие время...»⁸⁵. «Отечественные предания и песни», по словам Н. А. Цертелёва, являются «памятниками нравов и обычаев, мыслей и чувств предков наших»⁸⁶.

Необходимо тут же отметить, что употребляемые Н. А. Цертелёвым термины «пиитический гений народа», «дух народа» в применении к историческому прошлому могут вызвать целый ряд неправильных представлений, не выдерживающих научной критики. Дело в том, что эти термины, возникшие в первой половине XIX века, в эпоху романтических увлечений дворянства, типичным представителем которого был Н. А. Цертелёв, несли в самих себе отзвуки классовых идей того времени. Дворянские романтики употребляли термин «народ» в плане расплывчатого националистического учения о «народном духе», как о каком-то едином, внеклассовом, социально-недифференцированном целом. Они рисовали народную жизнь неподвижной и косной, а народ — благочестивым и покорным.

Отсюда ясно, почему проникнутый идеями общенационального служения высокий и благородный патриотизм вышедшего «из недр народных» Ломоносова, которого сам Н. А. Цертелёв называл человеком «бессмертным по своим заслугам и гению»⁸⁷, так разительно отличается от дворянско-консервативного патриотизма Н. А. Цертелёва, который в своем понятии всегда идеализировал существующий феодальный строй и патриархальный уклад жизни.

Но с другой стороны, познание исторического прошлого народов как в научной, так и в художественной форме многим было обязано романтизму. И на долю Н. А. Цертелёва выпала благородная миссия первому начать с исключительным энтузиазмом собирание и изучение памятников народной поэзии Украины и попытаться раскрыть богатство и глубину хотя бы условно понятого им «народного духа» в древних фольклорных памятниках.

⁸⁵ Н. А. Цертелёв. Опыт собрания старинных малороссийских песней, с. 2—3.

⁸⁶ Князь Цертелёв. О народных стихотворениях. (Письмо к г-ну Максимовичу). — «Вестник Европы», 1827, июнь, № 12, с. 272.

⁸⁷ Вестник Европы, 1827, июнь, № 12, с. 273.

Не надо забывать также, что романтизм явился реакцией на систему эстетического рационализма, господствовавшую под влиянием классицизма на Западе в начале XVIII века. Не останавливаясь на вопросе о типологической противоположности этих двух форм художественного течения, отметим лишь, что если представители классицизма видели в произведениях античности непревзойденные, канонические образцы искусства, романтики ввели в искусство и литературу памятники национального средневековья, к которым они питали особую симпатию. «Романсы трубадуров и песни древних скальдов, — писал Н. А. Цертелев, — при всей необработанности слога их, заключают в себе много выражений и мыслей, которыми пленяются новейшие писатели»⁸⁸.

Романтики достигли довольно высокой степени познания народной поэзии, таящихся в ней источников фантазии и творчества. Они восстановили в правах Шекспира, Данте, Сервантеса, Кальдерона и др., познакомили читателей с литературой Востока. Благодаря романтикам из векового забвения выступает величие исторического прошлого народов: мифы, поверья, легенды, сказки, искусство и поэзия средневековья и ренессанса. Это богатство прежней культуры оживает в творениях романтической поэзии и способствует освобождению искусства от узости классицизма.

В период острой борьбы между сторонниками классицизма и романтизма в России, когда дворянская классическая литература, чуждаясь устной поэзии, относилась к ней свысока, как к созданию «подлой черни», и когда некоторые представители западничества утверждали, что в России «нет ни пленительных воспоминаний, ни грациозных образов в памяти народа, ни мощных поучений в его преданиях»⁸⁹, со стороны Н. А. Цертелева смелым подвигом было уже и то, что украинские думы он отнес к эпической поэзии, образцом которой были поэмы Гомера. «Собирая старинные малороссийские песни, я уверен был, что не отыщу другой Иллиады; но не сомневался также в том, что песни, сохраняемые столь долгое время народным преданием, могут остановить на себе внимательный взор наблюдателя. Не одни греки и римляне умели видеть и чувствовать»⁹⁰, — писал Н. А. Цертелев в предисловии к своей книге.

Подобная оценка народной поэзии, ясная и образная,

88 Н. А. Цертелев, Опыт собрания старинных малороссийских песен. с. 4.

89 М. Гершензон, П. Чаадаев. Жизнь и мышление, 1908, с. 2.

90 Н. А. Цертелев, Опыт собрания старинных малороссийских песен, с. 1—3.

сразу же обратила на себя внимание литературных кругов, с которыми Н. А. Цертелев скоро сошелся. «Ученые и литературные общества, приязнь Державина и Дмитриева⁹¹, знакомство с Шишковым⁹², Капнистом⁹³, Жуковским, Глинкой⁹⁴, Бестужевым⁹⁵, Рылеевым⁹⁶ и т. д., все это, звавшее и ожидавшее в кружок своей деятельности нового, несомненного таланта и даровитого стихотворца, встретило и приветствовало с ним простую народную поэзию, первое суждение о старинном малорусском творчестве»⁹⁷, — писал о Н. А. Цертелеве «Вестник Европы».

Это было время, когда в России развивалось романтическое направление⁹⁸ и в его недрах происходили несомнен-

⁹¹ Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — поэт сентиментальной школы, способствовавший, как последователь Карамзина, проведению в жизнь его языковой реформы. Дмитриев — автор одических стихотворений «Ермак», «Освобождение Москвы», «Глас патриота» и др. пользовался уважением декабристов.

⁹² Шишков Александр Семенович (1754—1841), президент Российской Академии ((1813—1841), министр народного просвещения и начальник цензурного ведомства, поэт и переводчик, глава литературно-общественной реакции. Шишков стремился сохранить в литературном языке старославянскую основу, боролся против языковых и стилистических новшеств.

⁹³ Капнист Василий Васильевич (1757—1824) — видный деятель русского литературного движения конца XVIII века, писатель, драматург и поэт, ближайший друг, литературный соратник Державина. Декабристы ценили в Капнисте смелого сатирика.

⁹⁴ Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — писатель, поэт и публицист, член Союза спасения и Союза благоденствия, фактически руководитель Вольного общества любителей российской словесности. Имел тесные связи с Рылеевым, Бестужевым, Оболенским и другими. За связь с декабристами был сослан в Петрозаводск.

⁹⁵ Бестужев Александр Александрович (1797—1837) — выдающийся критик и писатель, один из зачинателей русской романтической прозы. В 1924 году был принят Рылеевым в Северное тайное общество, а в 1925 году выбран членом Верховной думы общества. В восстании 14 декабря принимал самое деятельное участие.

⁹⁶ Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — крупнейший поэт-декабрист. Член Вольного общества любителей российской словесности. В 1923 году вступил в тайное Северное общество и вскоре стал его руководителем. Сыграл ведущую роль в организации восстания 14 декабря 1826 г. Казнен в Петропавловской крепости в числе пяти руководителей восстания.

⁹⁷ «Вестник Европы», 1870, т. III. с. 868.

⁹⁸ Возникший в России в начале XIX века романтизм был сложным идеологическим и литературным явлением. Л. Гинзбург в своей статье

ные сдвиги, когда Жуковский своими мыслями переносился в народно-поэтическую старину, а Рылеев отыскивал в этой старине героические страницы русской истории и воссоздавал образы видных русских деятелей IX—XVIII вв.

Упомянув Рылеева и Жуковского, мы имели в виду различные течения в русском романтизме начала XIX века, нашедшие свое отображение в творчестве этих писателей, а именно два типа романтизма: прогрессивный, говоря словами Белинского, развязавший «руки и ноги нашей литературе», или, как писал Горький, стремившийся усилить волю человека к жизни и возбудивший в нем «протест против действительности, против всякого гнета ее», с одной стороны, и с другой стороны, романтизм пассивный, мечтательный, оплакивающий и идеализирующий все прошедшее, пытавшийся «примирить человека с действительностью, приукрашивая ее». Как известно, носителем последней тенденции являлся Жуковский, сыгравший в свое время огромную роль в развитии русской поэзии вообще, нанеся сокрушительный удар по эстетике классицизма. «Будем благодарны Жуковскому, — отмечал

«О проблеме народности и личности в поэзии декабристов» отмечает, что в России 1820-х годов романтизмом называли разные, иногда даже противоположные друг другу явления. Русские люди этого периода либо отождествляли романтизм с народностью, либо, проповедуя самобытную поэзию, открещивались от затрудняющего их термина романтизм. (О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы, 1960, с. 81). Действительно, еще П. А. Вяземский в письме к Жуковскому остроумно замечал: «романтизм, как домовый; многие верят ему; убеждение есть, что он существует, но где его приметыв, как обозначать его, как наткнуть на него палец?» Как известно, русский романтизм тесно был связан с подъемом национального самосознания и с идейной борьбой в русском обществе эпохи декабристов. Касаясь вопроса романтизма в России, развивающегося как литературное направление в начале XIX века, А. Гуревич писал, что историка русского романтизма буквально с первых же шагов подстерегают серьезные трудности, т. к., с одной стороны, по издавна установившейся традиции, освещенной еще именем Белинского, началом романтизма в России принято считать творчество Жуковского и Батюшкова, с другой стороны, хорошо известно, что романтизм — явление послереволюционное, порожденное эпохой реакции, выражение глубочайшей общественной и идеологической депрессии. Далее А. Гуревич отмечал, что «стремясь выйти из этого затруднительного положения, наши ученые говорят обычно о двух этапах русского романтизма: романтизма додекабрьской поры и романтизма эпохи реакции» (более подробно см. статью А. Гуревича «Романтики или классики», — «Вопросы литературы», 1966, № 2, с. 151—162).

В. К. Кюхельбекер⁹⁹, — что он освободил нас из-под ига французской словесности и от управления нами по законам Лагарпова лицея и Баттева курса»¹⁰⁰. Однако не отрицая заслуг Жуковского в целом, будущие декабристы, проникнутые настроениями протеста против крепостничества и самодержавия и стремившиеся использовать поэзию в целях пропаганды идеалов политической свободы, в годы подготовки декабрьского восстания резко осуждали писателя за его субъективный идеализм, за то, что идейное содержание его поэзии не отвечало современности и направляло общество на примирение с действительностью. Рылеев писал Пушкину: «Неоспоримо, что Жуковский принес важные пользы языку нашему; он имел решительное влияние на стихотворный слог наш и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но стнюдь не за влияние на дух нашей словесности, как пишешь ты. К несчастью, влияние это было слишком пагубно: мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нем иногда даже прелестны, растлили многих и много зла наделали»¹⁰¹. В эти годы пассивный романтизм Жуковского вытеснялся противоположным ему по тенденциям прогрессивным романтизмом декабристов. Но эта борьба носила не только узко-литературный характер. Прогрессивный романтизм выдвигал программу, проникнутую духом протеста против существующего общественного строя, духом революционной героики. Когда Рылеев в своих «Одах», дышащих освободительным и патриотическим пафосом, восстанавливал героические страницы минувших веков и восхвалял мужество и стойкость «отчизны верных сынов», готовых, «забывши вовсе о себе», «всем жертвовать народу», он считал своей исторической задачей «возбуждение доблести у сограждан подвигами предков». Итак, увлечение народностью у Жуковского проявилось главным образом в виде идеализации и поэтизации прошлого, в созерцательных «религиозно-меланхолических настроениях», а

⁹⁹ Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1840) — поэт и драматург, один из видных декабристов, друг А. С. Пушкина. В 1824—25 гг. вместе с В. Ф. Одоевским издавал альманах «Мнемозина», член «Северного общества декабристов». Поэзии В. К. Кюхельбекера присущ высокий гражданский пафос. Характерные для него статьи написаны в защиту национальной самобытности русской литературы, подчеркивающие значение народного творчества.

¹⁰⁰ «Мнемозина». Сборник сочинений в стихах и прозе. 1824, ч. II, с. 40.

¹⁰¹ К. Ф. Рылеев, Полное собрание сочинений, с. 483.

у Рылеева — в стремлении восстановить героические страницы прошлого, восхвалить национально-освободительную борьбу, воссоздать образы героев в гражданско-патриотическом духе, разжечь в сердцах сограждан чувство вольнолюбия; одним словом, как писал Н. А. Бестужев¹⁰², «единственная мысль» Рылеева, «постоянная его идея была пробудить в душах своих соотечественников чувство любви к отечеству, зажечь желание свободы»¹⁰³.

Будущие декабристы, никогда не разделяя представляемого Жуковским направления в русском романтизме и постоянно оговаривая коренное отличие своей линии в поэзии от линии Жуковского, долгое время не теряли надежды на «исправление» его. Декабристы стремились заставить Жуковского — крупнейшего, талантливейшего поэта, автора «Певца во стане русских воинов», служить своим целям. Они не раз требовали от Жуковского, чтобы он взял гражданскую тему. На призыв декабристов Жуковский так и не откликнулся¹⁰⁴.

Характерный отзвук острой борьбы между пассивным и прогрессивным, революционным романтизмом можно уловить и в письме П. А. Вяземского¹⁰⁵ А. И. Тургеневу¹⁰⁶. В этом письме Вяземский, отвергавший субъективный идеализм Жуковского и требовавший от поэзии воздействия на общественно-политическую жизнь, чрезвычайно резко и иронически отзывался о Н. А. Цертелеве. Дело в том, что Н. А. Цертелев, который ратовал за самобытную литературу, о чем речь пойдет ниже, в то же время чуждался литературы гражданской, что ярко характеризует и самый склад его литературных

¹⁰² Бестужев Николай Александрович (1791—1855) в 1924 г. был принят в Северное тайное общество Рылеевым, принимал активное участие в восстании 14 декабря. Сотрудничал в альманахах и журналах, где печатал научные работы (по истории, физике, экономике), повести, переводы.

¹⁰³ Воспоминание Бестужевых, М.—Л., 1951, с. 25.

¹⁰⁴ «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым, М.—Л., 1960, с. 825, 837.

¹⁰⁵ Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт и критик, соратник А. С. Пушкина, принимал активное участие в литературной борьбе «Арзамаса» против реакционной «Беседы любителей русского слова». Обратившись к жанру гражданской лирики, П. А. Вяземский создал несколько произведений, близких по своему идейно-художественному содержанию ~~к поэзии~~ поэзии декабристов.

¹⁰⁶ Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — общественный деятель, историк, член литературного кружка «Арзамас», друг П. А. Вяземского, Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина.

понятий. Так как декабристская народность — это национальная самобытность и в то же время гражданственность¹⁰⁷, понятно, почему Вяземский, по своему мировоззрению близко стоящий к декабристам, ополчился против Н. А. Цертелева. 15 ноября 1818 года П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Варшавы: «О, боже мой, зачем я не князь Цертелев! Этот князь, как нарочно, дразнит меня языком из-за «Сына Отечества». Он Людовик XVIII, а я Наполеон. Я вижу отсюда, как он завоевывает мое достояние и славу. Ради бога, по крайней мере ты не предавайся ему.. Бьюсь об заклад, что он бывает по субботам у Жуковского и пьет с Жуковским. Признаюсь, этот князь Цертелев, как привидение, торчит у меня в глазах во сне и наяву. И откуда взялся он? Нельзя ли взять от него расписку, что он ничего под именем своим печатать не будет? Друг мой, освободи меня от этого князя, лже-князя! Настоящий князь я!»¹⁰⁸.

Если в этом письме Вяземский указывает на близкие отношения, существующие между Жуковским и Н. А. Цертелевым, и вместе с тем из письма можно сделать заключение, что возмущение Вяземского было вызвано лирическими стихотворениями Н. А. Цертелева, печатавшимися в журналах «Сын отечества», «Благонамеренный» и др. и носившими отпечаток влияния Жуковского, то Пушкин в письме к Кюхельбекеру, где он разбирает одну из его комедий и упрекает автора в подражательстве Жуковскому, прямо подчеркивает влияние последнего на Н. А. Цертелева. «Не понимаю — писал Пушкин Кюхельбекеру, — что у тебя за охота пародировать Жуковского. Это больше подобает Цертелеву, чем тебе»¹⁰⁹. Следует здесь же отметить, что Пушкин высоко ценил Жуковского¹¹⁰. Учитывая заслуги Жуковского, ока-

¹⁰⁷ Л. Гинзбург, О проблеме народности и личности в поэзии декабристов. — «О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы», М.—Л., 1960, с. 59.

¹⁰⁸ Остафьевский архив князей Вяземских, т. I, СПб., 1899, с. 146—147.

¹⁰⁹ Русский архив, 1870, с. 1181.

¹¹⁰ Со своей стороны Жуковский относился к Пушкину с искренней любовью, радуясь от души проявлению его могучего поэтического таланта и охотно признавая его превосходство над собой. (Известна надпись к портрету: «победителю-ученику от побежденного учителя». Анненков, Пушкин в Александровскую эпоху, 1874, с. 1119). После выхода в свет первой главы «Евгения Онегина» Жуковский писал Пушкину: «Гы имеешь не дарование, а гений... По данному мне полномочию, предлагаю тебе первое место на русском Парнасе. И какое место, если с высотой гения соединишь и высоту цели! Ми-

завшего огромное влияние на русскую поэзию, Пушкин возражал против слишком строгого, по его мнению, отзыва А. Бестужева о творчестве Жуковского. «Зачем кусать нам грудь кормилицы нашей? — писал Пушкин Рылееву 25 января 1825 года. — Потому, что зубки прорезались? Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности; к тому же переводный слог его останется всегда образцовым»¹¹¹. Несколько позднее, 25 мая того же года, он писал Вяземскому по поводу статьи последнего в «Московском Телеграфе». «Ты слишком бережешь меня к Жуковскому)... Никто не имел, не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его»¹¹². Вместе с тем совершенно очевидно, что линия элегического романтизма Жуковского для Пушкина была неприемлемой, о чем еще раз свидетельствует упомянутое письмо Пушкина к Кюхельбекеру. С другой стороны, именно из этого письма явствует, что Пушкин смотрел на Н. А. Цертелева¹¹³, как на поэта, нахо-

лый брат по Аполлону! Это теб возможно». («Переписка Пушкина», т. I, с. 147—148).

¹¹¹ Дневник А. С. Пушкина, 1923, с. 87.

¹¹² Переписка Пушкина, т. I, с. 218.

¹¹³ Среди потомков переселившихся вместе с царем Вахтангом VI в Москву грузин, Пушкин вел знакомство с П. И. Шаликовым, Д. Е. Цициановым, Д. А. Эристовым и др.

Шаликов Петр Иванович (1768—1852) — поэт, эпигон Карамзина, в 1823—1833 гг. издавал «Дамский журнал», в 1813—1836 гг. был редактором «Московских ведомостей». П. И. Шаликов за свои сентиментальные стихотворения в эпиграммах Батюшкова, Вяземского и других поэтов младшего поколения изображался под именем «Вздыхалова». Он известен и как переводчик произведений французского писателя Шатобриана. Но как по нашему мнению справедливо замечает И. К. Ениколопов, многосторонняя деятельность Шаликова не привлекла должного внимания широкой общественности, и даже беглый обзор его литературного пути дает представление о нем как о незаурядной величине, внесшей свою лепту в русскую литературу (более подробно, см. И. К. Ениколопов, Пушкин в Грузии, Тбилиси, 1950, с. 12—17). По сообщению Б. Л. Модзалевского, «Шаликову принадлежит одно из первых приветствий Пушкину в печати» (Пушкин, Письма, т. I, М.—Л., 1926, с. 404) В 1822 году в «Новостях литературы» (кн. II) появляется обращение Шаликова:

К портрету Пушкина

Талант и чувства в нем созрели прежде лет,
Овидий наш, он стал ко славе муз поэт!

дившегося под сильным влиянием Жуковского.

В начале 1825 году вышла первая глава «Евгения Онегина». В виде вступления там был помещен «Разговор книгопродавца с поэтом»: где говорилось:

Пускай их Шаликов поет,
Любезный баловень природы.

Позднее первый стих был заменен — «Пускай их юноша поет». 19 февраля 1825 года в письме к Вяземскому Пушкин писал по этому поводу: «Ты увидишь в разговоре поэта с книгопродавцом мадригал кн. Шаликову. Он милый поэт, человек достойный уважения и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна. Он именно поэт прекрасного пола». По поводу творчества Шаликова аналогичную мысль высказывал А. Бестужев: «Князь Шаликов писал нежною прозою. Он обилен мелкими стихотворными сочинениями. Его муза игрива, но парумянена» («Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. М.—Л., 1960, с. 18). В. Вересаев в своей книге «Спутники Пушкина» (т. II, с. 63) описывает одну из встреч Пушкина с Шаликовым. Пушкин по возвращении из Эрзерума посетил в Москве дядю своего Василия Львовича. У него сидело несколько человек гостей, в том числе и Шаликов. Пушкин стал рассказывать о своей поездке. Шаликов присел к столу, стал писать и потом сказал Пушкину: «Недавно был день Вашего рождения, Александр Сергеевич. Я подумал, что никто не воспел такого знаменательного дня, и написал вот что:

Когда рождался ты — хор в Олимпийском мире
Средь небожителей пророчески воспел;
Младенца слава ждет, удел —
Пленять сердца игрой на лире.

Пушкин прочитал, пожал Шаликову руку и, не знакомя присутствующих с творением своего поклонника, положил листок в карман.

* * *

Цицианов Дмитрий Евсеевич (1747—1835) был известен, как широко образованный человек своего времени. О нем, как об ученом, упоминает в своих произведениях просвещенный патриарх Грузии Антон I. По словам автора «Калмасоба» Иоанна Багратиони, Д. Е. Цицианов получил образование в московском училище. Он изучил разные иностранные языки, философию, математику, перевел на грузинский язык геометрию и др.

А. Я. Булгаков, посвятивший Цицианову особую главу в своих воспоминаниях, следующим образом характеризовал его: «Кто из современников тогдашних не был знаком с князем Цициановым или же знал его по наслышке? Он был человек добрый, большой хлебосол и отлично кормил своих гостей, но был еще более известен с самих времен Екатерины по приобретенной им славе приятного и неистощимого лгуна. Слабость эту прощал ему всякий весьма охотно, потому, что она не была никогда

Упоминает Н. А. Цертелева и А. А. Дельви́г¹¹⁴. В своей пародии на переведенную Жуковским балладу Вальтера Скотта «Смалькóмский барон», направленной против А. Е. Измайлова¹¹⁵, Дельви́г писал:

обращена ко вреду ближнего. Цицианова ложь никого не оскорбляла, а только всех смешила. У него были всегда и на все случаи готовы анекдоты, и когда кто-нибудь из присутствующих оканчивал странный или любопытный рассказ, то Цицианов спешил сказать: «Да это что? Нет, я вам расскажу, что со мной случилось...» «И тогда начиналась какая-нибудь история и басенка, в которой были обыкновенно замешаны знаменитые люди царствования Екатерины II, фавориты Екатеринские и даже сама Императрица... Д. Е. Цицианов отличался пылкой фантазией. Пушкин упоминает о нем в своей статье: «Воображаемый разговор с императором Александром I», написанной в 1825 году: «всякое слово вольное, всякое сочинение возмутительное приписывается мне, как всякие остроумные вымыслы — князю Цицианову» (Дневник А. С. Пушкина, 1923, с. 291---299).

* *

Эристов Дмитрий Александрович (1797—1858) — один из лицейских товарищей Пушкина, сотрудник «Энциклопедического лексикона», первый том которого вышел в 1835 году. Главным редактором «Энциклопедического лексикона» был избран Н. И. Греч. Все издание было рассчитано на 24 тома и должно было выходить по четыре тома в год. Но в 1841 году, когда вышел в свет 7-й том, который заканчивался словом «Диодор», издание «Энциклопедического лексикона» остановилось, будучи далеко от завершения. Несмотря на это, при всех своих недостатках, упомянутый лексикон, в качестве первого опыта подобного рода издания в России, имел свои несомненные достоинства, особенно первые тома, вышедшие под редакцией Греча (14-й том вышел под главной редакцией Сенковского, 15-й и 16-й — под главной редакцией Языкова), которому все-таки удалось объединить вокруг издания все имевшиеся в тогдашней России научные силы. (Дневник А. С. Пушкина, 1923, с. 319—320).

В 1836 году Д. А. Эристов опубликовал «Словарь о святых, прославленных в Российской церкви и о некоторых сподвижниках благочестия месточтимых». На этот словарь Пушкин в «Современнике» поместил рецензию, в которой частично было сказано: «Книга необходимая и имеющая столь великое значение» («Современник», 1836, с. 310—319).

¹¹⁴ Дельви́г Антон Антонович (1898—1851) — поэт и журналист, один из ближайших лицейских друзей Пушкина, член «Вольного общества любителей российской словесности». В 1823 году в группе прогрессивных писателей, возглавлявших «Вольное общество», произошло размежевание. Дельви́г и некоторые другие члены общества отошли от писателей-декабристов.

¹¹⁵ Измайлов Александр Ефимович (1779—1831) — баснописец, про-

«До рассвета поднявшись, извозчика взял
Александр Ефимыч с Песков
И без отдыха гнал от Песков чрез канал
В желтый дом, где живет Бирюков;
Не с Цертелевым он совокупно спешил
На журнальную битву вдвоем»¹¹⁶.

Начиная с XVIII века в России ведется острая борьба за прогрессивное развитие самобытной русской культуры и литературы против низкопоклонства перед Западом. Лучшие представители русской литературы противопоставляли слепой подражательности критическое освоение подлинных ценностей западной культуры. Среди столичного дворянства, в особенности в придворно — аристократической верхушке русского общества того периода, господствовало подражание Западу, поверхностное и бесплодное копирование иностранных обычаев и мод. Против этих выучеников иностранных гувернеров — «русских парижанцев», как их тогда называли, не читавших русских книг, говоривших не на родном языке, а по-французски, кичившихся своим космополитизмом и гордо заявлявших, что они любят «все нации», исключая свое отечество, настойчиво и резко выступали все прогрессивные писатели XVIII века, начиная с Кантемира¹¹⁷.

Чрезмерное увлечение западными литературными модами и «страсть к подражанию» мешали проявлению самобытности русских писателей. «...Страсть к галлицизмам захватила вдруг все состояние сильнее, чем когда-либо»¹¹⁸, — с возмущением отмечал Бестужев в своей статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года». А через год в другой статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и в начале 1825 годов» Бестужев, возвращаясь к той же проблеме, писал: «Было время, что мы невпопад вздыхали по-стерновски, потом любезничали по-французски, теперь залетели в тридевятую даль по-немецки. Когда же попадем мы в свою колею? Когда будем писать прямо по-русски? Бог весть! До сих пор, по крайней мере, наша муза остается невестою-

заик и журналист, редактор консервативного журнала «Благонамеренный», выступал против прогрессивного романтизма и примыкал к консервативному крылу «Вольного общества любителей российской словесности», которое возглавлял Н. А. Цертелев.

¹¹⁶ Пушкин в воспоминаниях современников, 1950, с. 352.

¹¹⁷ Д. Д. Благой, История русской литературы XVIII века, М., 1953, с. 8.

¹¹⁸ «Полярная звезда», с. 216.

невидимкой. Оглядываясь назад, можно век назад остаться, ибо время с каждой минутой разводит нас с образцами. При том все образцовые дарования носят на себе отпечаток не только народа, но века и места, где жили они; следовательно подражать им рабски в других обстоятельствах — невозможно и неуместно. Творения знаменитых писателей должны быть только мерою достоинства наших творений»¹¹⁹. Выступая против любой подражательности и ратуя за создание литературы отечественной, Бестужев заявлял: «Как не пожалеть, что некоторые... по незнанию ли отечественного языка или из тщеславия быть известным в чужих краях пишут на языке французском! Это в первом случае не извинительно. А во-вторых — слишком для русского униженно: Державин не имел надобности писать по-китайски, но ода «Бог» переведена на китайский язык»¹²⁰.

Еще в 1801 году А. И. Тургенев на заседании «Дружеского литературного общества» подверг резкой критике некоторые направления и их выразителей в русской литературе: в частности, одного из основоположников русского классицизма А. П. Сумарокова, сентименталистов — Н. М. Карамзина и его школу. Главный упрек, который А. И. Тургенев адресует Н. М. Карамзину — это отсутствие важного, «высокого» содержания и «подражательность», отсутствие народности¹²¹. «Карамзин и его подражатели, — писал Бестужев, — при всех их заслугах, «исфранцузили» русский язык»¹²².

Этот период борьбы против низкопоклонства перед Западом нашел свое четкое и образное отражение в письме Н. А. Цертелева к известному фольклористу М. А. Максимовичу. «С жадностью затверживаем мы чуждые для нас заморские сказки, — говорилось в письме, — восхищаются народными песнями греков — и между тем весьма мало или почти совсем не вслушиваемся в родные песни и предания. Кажется, мы решили оправдать старинную пословицу: что наше, того нам не надобно... Можно по справедливости восхищаться греческими и римскими произведениями, можно любить французскую и немецкую словесность; но русский должен быть русским писателем, подобно как Гомер гречес-

119 «Полярная звезда», с. 492.

120 «Сын Отечества», 1819, № XXI, с. 68.

121 Ю. Лотман, Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода. — О русском реализме XIX в. и вопросах народности литературы. М.—Л., 1960, с. 47.

122 «Полярная звезда», с. 814.

ким, Шекспир английским и пр. Можно подражать иностранцам в стремлении к совершенству... но зачем быть рабами их? Не лучше ли учиться по тем книгам, по которым они учились, а эти книги имеет каждый: это природа, сердце писателя и его отечество. Кто не любит читать эти книги, тот немного найдет себе читателей»¹²³.

Видя главное достоинство литературы в самобытности, Н. А. Цертелев говорил о необходимости того, чтобы каждый писатель каждого народа имел свое национальное лицо и черпал для своего творчества национальный материал из книги, имя которой «отчизна». По его мнению, «словесность» должна отражать не только «отечественные нравы и обычаи», но и «характер» народа и «язык с его особенностями», ибо именно такая «словесность» «сильно действует на душу человека». «И вот почему, — пишет далее Николай Андреевич, — для русского никакой перевод басен Крылова не может заменить оригинала»¹²⁴. Говоря о самобытной литературе, Н. А. Цертелев не случайно упоминает имя И. А. Крылова и касается его творчества.

Известно, что А. А. Бестужев в своей статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» характеристику писателей, «прославившихся или появившихся в течение последнего пятнадцатилетия», начинал с Крылова, который «возвел русскую басню в оригинально-классическое достоинство. Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку, большей осязаемости нравоучению. В каждом его стихе виден русский здравый ум»¹²⁵. Свой взгляд на творчество Крылова высказал и Пушкин в статье «О предисловии г-на Леманте к переводу басен И. А. Крылова», вызванной изданным в Париже Г. В. Орловым французским переводом крыловских басен. В этой статье Пушкин называет Крылова «представителем русского народа», «представителем духа русского народа»¹²⁶. Действительно, одной из основных художественных особенностей басен Крылова, в которые автор перенес русскую народную речь со всей присущей ей спецификой являлось «воспроизведение непереводаемого на другие языки своеобразия живой русской речи, как средства проникновения в исторически сложившийся, своеобразный психологический уклад народа. В. Г. Белинский говорил

123 «Вестник Европы», 1827, июнь, № 12, с. 271, 273—274.

124 «Там же», с. 273—274.

125 «Полярная звезда», с. 20.

126 Дневник А. С. Пушкина, 1923, с. 122—123.

с составляющих основу басенного стиля Крылова «оригинально-русских, не передаваемых ни на какой язык в мире образах и оборотах»¹²⁷. Со своей стороны Н. А. Цертелев, говоря о том, что «никакой перевод басен не может заменить оригинала», отмечал глубокое национальное своеобразие басен Крылова.

В письме к М. А. Максимовичу Н. А. Цертелев пытается дать исчерпывающий ответ на вопрос, какими путями можно достигнуть самобытности в литературе, на что должна опираться любая литература, чтобы суметь подлинно и высокохудожественно выразить национальное содержание. Указывая на решающую роль народной поэзии, которая уже в своих безыскусственных, подлинно народных формах достигла столь высокого уровня, что ей могут позавидовать многие «национальные» художественные произведения, и расценивая «сию безыскусственную поэзию», как основной источник самобытной литературы, Н. А. Цертелев пришел к следующему заключению: «Знаете ли что, — писал он Максимовичу, сию безыскусственную поэзию предпочитаю я большей части наших романов, баллад и (слушайте! слушайте!) даже многим романтическим нашим поэмам... тот, кто хочет быть хорошим отечественным писателем и, в особенности, отечественным поэтом; кто хочет дать, если можно так выразиться, народный колорит своим произведениям, тот не должен считать безделкою отечественные предания и песни, но обязан вслушиваться в них сколько можно более; ибо самые бедные памятники нравов и обычаев, мыслей и чувствований предков наших, обезображенные временем, но не искаженные подражаниями иноземцам, сохраняют еще многие черты той оригинальности, которая отличает поэзию одного народа от поэзии другого»¹²⁸.

«Великий поэт, — писал Белинский, — может возникнуть только на национальной почве»¹²⁹. И действительно лучшие представители русской поэтической классики — Пушкин и Лермонтов, Кольцов и Некрасов, мастера русской классической прозы — Островский, Лесков, Горький — стали истинно великими творцами благодаря тому, что они сумели приобщиться к народному искусству и творчески воплотить те его

¹²⁷ Ю. Лотман, Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода, с. 37,

¹²⁸ «Вестник Европы», 1827, июнь, № 12, с. 272.

¹²⁹ В. Белинский, Собрание сочинений в трех томах. Москва, 1948, т. 2, с. 242.

национальные черты, которые явились результатом длительного накопления в художественном самосознании русского народа.

IV

Деятельность Н. А. Цертелева в указанные годы совпадает во времени с ростом декабристского движения в России. После закрытия первого декабристского тайного общества «Союза спасения» поиски более совершенных форм действия для ликвидации абсолютизма и отмены крепостного права привели к основанию нового, более многочисленного общества — «Союза благоденствия». Вместе с декабристским движением развивается декабристская литература, которую очень высоко оценил А. И. Герцен, находя в ней отражение самых лучших заветных надежд молодой России. Литература становится частью общего декабристского движения. Литературным центром писателей-декабристов стало «Вольное общество любителей российской словесности», литературный филиал «Союза благоденствия». На заседаниях «Вольного общества любителей российской словесности», именовавшегося также «Ученой республикой», обсуждались вопросы гражданской истории, политэкономии, читались поэтические произведения. «Ученая республика» была фактически литературным объединением «тайного общества»¹³⁰. «Рылеев и Александр Бестужев, сдружив слово с оружием, окончательно соединили декабристскую литературу с революционным движением»¹³¹. В «Вольное общество любителей российской словесности» входили К. Ф. Рылеев, А. А. Бестужев, Н. А. Бестужев, Ф. Н. Глинка, А. О. Корнилович, Н. И. Кутузов, О. М. Сомов, И. К. Аничков, А. А. Никитин, Е. А. Баратынский, Д. М. Княжевич, Н. И. Гнедич, Я. М. Лыкошин, В. И. Туманский и др. На его заседаниях велись оживленные «ученые упражнения» и диспуты, направленные на создание самобытной литературы, свободной от подражательства, причем особое значение придавалось изучению отечественной народной словесности, «Декабристы, — пишет В. Базанов, — не могли пройти мимо одного из основных источников самобытного искусства — народной поэзии. Без знания нравов и обычаев народных, без изучения памят-

¹³⁰ В. Базанов, «Вольное общество любителей российской словесности», Петрозаводск, 1949.

¹³¹ В. Базанов, Очерки декабристской литературы, Москва, 1953, с. 5.

ников старины и отечественного фольклора трудно было разрешить спор о классической и романтической поэзии в пользу поэзии самобытной, освобожденной от чужеземных цепей»¹³².

Члены «Вольного общества», желая привлечь ученого специалиста по вопросам народной словесности для разработки фольклорной темы, предложили Н. А. Цертелеву — уже хорошо известному собирателю и издателю памятников народного творчества, — участвовать в «ученых упражнениях» на заседаниях «Ученой республики»¹³³.

Здесь же следует отметить, что стремление сохранить художественное слово родного народа, как и беспокойство о судьбах русской литературы, было объединяющим началом для писателей-декабристов и Н. А. Цертелева, несмотря на резкие политические разногласия их взглядов, М. К. Азадовский замечает: «Самый факт обращения к фольклору и интенсивной работы в области его собирания и изучения оказался важнее тех теоретических и принципиальных воззрений, которые проводили отдельные фольклористы. Этим объясняется и факт сотрудничества Цертелева в декабристских изданиях...»¹³⁴

По мнению некоторых исследователей, писатели-декабристы были знакомы не только с трудами Н. А. Цертелева в области народного творчества, но и использовали собранные им материалы для своей работы. Хотя Б. П. Кирдан затрудняется ответить на вопрос, был ли К. Ф. Рылеев знаком с первым сборником украинских народных дум, изданным Н. А. Цертелевым в 1819 году, или он слышал их во время своей поездки из Украины, он утверждает, что К. Ф. Рылеев «знал об исполнении украинских дум, знал их основное содержание — прославление героев»¹³⁵.

А. Г. Цейтлин прямо указывает на использование К. Ф. Рылеевым материалов украинских народных дум, собранных Н. А. Цертелевым, в поэмах «Войнаровский» и «Наливайко». Украинская тема занимала в 10—20-х годах XIX века значительное место в русской литературе. Богатейшее устное творчество украинского народа начинало все более интересоваться передовую русскую общественность. Если раньше К. Ф. Рылеев лишь декларировал интерес к устному народному творчеству, то теперь он «начал переработку старинных

¹³² Там же, с. 201.

¹³³ Там же, с. 203.

¹³⁴ М. К. Азадовский, История русской фольклористики, М., 1958, с. 418.

¹³⁵ Б. П. Кирдан, Украинские народные думы, с. 15.

украинских песен для «Войнаровского», «Наливайко» и поэмы о Палее. Однако в этих произведениях Рылеев-романтик не пошел дальше использования материалов украинской песни из сборника Цертелёва (разрядка наша — О. Г.)»¹³⁶.

Весьма примечательно и то, что некоторые работы Н. А. Цертелёва: «О произведениях древней русской поэзии», «Взгляд на русские сказки» сохранились в библиотеке Пушкина¹³⁷.

Заслуживает внимания высказывание Н. А. Цертелёва как одного из действительных членов «Вольного общества любителей российской словесности» об учреждении и деятельности упомянутого общества. «Учреждение вольных ученых обществ, — писал Н. А. Цертелёв, — по справедливости принадлежит к тем счастливым мыслям, которые равно приносят и пользу и удовольствие: в сих скромных приютах ума и сердца, утвержденных на взаимном доверии и уважении, человек, свободно изливая мысли и чувствования свои, наслаждается лучшим, благороднейшим удовольствием существа разумного. Туда пылкая юность приносит мечты свои, холодная старость — многолетние опыты, мужество, суеты и утомление, туда мыслящий приходит пополнить пустоту души, которой обыкновенные занятия жизни наполнить не могут. В сем скромном убежище Просвещения — единство цели, соединяя братским согласием людей различных лет и званий, представляет благородную, высокую картину человечества, стремящегося к познанию добра и истины. Так воображаю я ученые Общества, таковым желал бы видеть Вольное общество любителей российской словесности»¹³⁸.

Н. А. Цертелёв принимал активное и плодотворное участие в заседаниях «Вольного общества». В течение 1820—23 гг. он выступил с докладами: «Василий Новгородский. Повесть о духе старинных русских стихотворений», «Отрывок из рассуждения о поэзии вещей или предметов», «О поэзии слова», «Письмо к Н. Ф. Остолопову о стихотворении старинных русских песен», «Исторические известия о запорожних казаках», «О свадебном русском обряде», «О поэмах описательных», «О народной поэзии», «Взгляд на состояние российской словесности до XVIII столетия» и др.¹³⁹.

¹³⁶ А. Г. Цейтлин, Творчество Рылеева, М., 1955, с. 265—266.

¹³⁷ Н. К. Ениколопов, Пушкин в Грузии, Тб., 1950, с. 18.

¹³⁸ «Соревнователь просвещения и благотворения», 1823, с. XXI, с. 240—241.

¹³⁹ В. Базанов, Ученая республика, М.—Л., 1964, с. 373—377, 379, 380.

Со временем авторитет Н. А. Цертелева в «Ученой республике» настолько укрепился, что в 1823 году он был избран кандидатом в члены Цензурного комитета «Вольного общества», то есть стал «непосредственным помощником Рылеева и Бестужева»¹⁴⁰.

Писатели-декабристы отдавали должное дарованию Н. А. Цертелева. В статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года» А. Бестужев писал: «О древних посольствах в России г. Корниловича»¹⁴¹, «О романтизме г. Сомова»¹⁴² и «Разбор русских писателей князя Цертелева Достойны внимания»¹⁴³.

В 1823 году Н. А. Цертелев принимается за составление истории русской словесности. В одном из сообщений, помещенном на страницах журнала «Соревнователь просвещения и благотворения», читаем: «Общество прямым долгом поставляет уведомить отсутствующих членов своих, что г. действительный член, князь Николай Андреевич Цертелев, по поручению сего сословия, занимается составлением книги: Историческая картина российской словесности»¹⁴⁴. Следует отметить, что еще в 1822 году, всего за год до того, как на заседании «Вольного общества» Н. А. Цертелеву было поручено составление книги по русской словесности, другой действительный член «Вольного общества» — Н. И. Греч¹⁴⁵ — уже опубликовал «Опыт краткой истории русской литературы» — первую книгу по истории литературы России. В таком случае, чем же можно было объяснить решение руководства «Вольного общества» перепоручить подготовку новой работы по истории русской словесности другому автору? Ответ

¹⁴⁰ В. Базанов, Очерки декабристской литературы, с. 203.

¹⁴¹ Корнилович Александр Осипович (1800—1854) — историк, член «Вольного общества любителей российской словесности». Участвовал в совещании у Рылеева накануне восстания декабристов. 14 декабря был на Сенатской площади.

¹⁴² Сомов Орест Михайлович (1793—1833) — поэт и прозаик, один из видных критиков и литературных теоретиков романтизма. Член «Вольного общества любителей российской словесности». Сомов был дружен с Рылеевым, Бестужевым, Кюхельбекером и другими декабристами.

¹⁴³ «Полярная звезда», с. 269.

¹⁴⁴ «Соревнователь просвещения и благотворения», 1823, ч. XXI, с. 236.

¹⁴⁵ Греч Николай Иванович (1787—1867) — журналист, беллетрист, педагог, автор работ по истории русской словесности и русскому языку, член «Вольного общества любителей российской словесности», в 1812 г. основал журн. «Сын Отечества».

на этот вопрос мы можем найти в речи самого Н. А. Цертелева, произнесенной им на заседании «Вольного общества» 22 января 1823 года. «После издания почтенным сочленом нашим Н. И. Гречем Опыта истории российской словесности, — говорил Н. А. Цертелев, — составление картины литературы нашей может показаться лишним и бесполезным; но отдавая должную справедливость трудам г. Греча, нельзя не заметить, что книга его, при всех своих достоинствах, имеет тот недостаток, что, прочитав оную, нельзя сказать, какой род словесности процветал у нас в том или другом периоде, и вообще, в котором успели мы более? Сей-то собственно недостаток заставил меня приступить к восстановлению Исторической картины российской словесности»¹⁴⁶. Далее Н. А. Цертелев указывал на «цель и план» своего будущего труда: «Сочинение мое разделяю я на периоды, сообразно важнейшим эпохам истории нашего отечества, ибо известно, что успехи словесности народов идут наравне с политическим их благоденствием»¹⁴⁷. Н. А. Цертелев, учитывая всю трудность и ответственность поставленной перед ним задачи и заботясь о «чести Вольного общества», просил членов общества «со всею искусностью» указать на «погрешности и заблуждения», допущенные им при составлении истории русской словесности. «Любовь к словесности и уверенность в содействии вашем, — говорил Н. А. Цертелев обращаясь к членам «Вольного общества», — внушили мне смелость заняться трудом, превосходящим мои способности... Здесь-то нужно мне содействие ваших знаний, вкуса и опытности; и — я надеюсь воспользоваться ими»¹⁴⁸. Свое выступление Н. А. Цертелев закончил следующими словами: «Станем искренно подавать руки друг другу и на пути к общей цели поддерживать, подкреплять один другого»¹⁴⁹.

Однако эти слова Н. А. Цертелева еще не служат доказательством того, что он разделял взгляды писателей-декабристов на литературу. Н. А. Цертелев в «Вольном обществе любителей российской словесности» возглавлял оппозицию декабристским литераторам, требовавшим от художественного произведения социальной насыщенности, полноты идейного содержания и видевшим основную цель литературы в ее гражданской направленности. В «Вольном обществе» были объединены литераторы разных взглядов и убеждений: с одной стороны — писатели-декабристы, которые стре-

¹⁴⁶ «Соревнователь просвещения и благотворения», 1823, ч. XXI, с. 237.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же, с. 238.

¹⁴⁹ Там же, с. 241.

мились направить литературную деятельность «Вольного общества» на путь пропаганды прогрессивно-патриотических идей, с другой стороны — литераторы, представители консервативного направления. В письме Бестужева к Вяземскому наглядно показана борьба литературных партий. «...у нас в Обществе, — писал Бестужев, — завелись партии. Гнедич, которого сменили с вице-президенства, есть посеребряная пружина первой. Он посредством Дельвига и Плетнева¹⁵⁰, как сквозь решето, просеивает слухи, которые отравляются, пройдя змеиный рот Воейкова¹⁵¹. Следствием оных было неудовольствие Ф. Глинки на Греча и на Общество, которые, как он думает, желают его затмения. Другая партия есть партия положительного безвкусица; у нее голова — князь Цертелев, а хвост (тела нет) — Борис Федоров»¹⁵².

В. Базанов в своих книгах «Вольное общество любителей российской словесности», «Очерки декабристской литературы», «Ученая республика» последовательно описывает ту напряженную и постоянную борьбу, которую вели писатели-декабристы против консервативно настроенных литераторов. В частности, он отмечает, что в 1823 году обнаруживаются принципиальные расхождения между рылеевской группой и цертелевской. Восхищаясь произведениями народной поэзии и ратуя за народность и самобытность искусства, Н. А. Цертелев в то же время оправдывал существующую действительность, придерживался антидекабристских взглядов. Фольклор и проблема самобытности в литературе у Н. А. Цертелева не увязывались с декабристской гражданственностью и свободолобием. Позже, на очередном заседании, которое состоялось 16 мая 1823 года по поводу статьи Н. А. Цертелева «О философских или нравоучительных одах Державина» разногласия еще больше обострились. Н. А. Цертелев требовал включить свою статью в публичные чтения. А. Н. Бестужев категорически возражал. «Выступление с речью о Державине в публичном собрании считалось исключительно ответственным, — пишет В. Базанов. Вопрос шел о выражении мнения «Ученой республики». В статье Цертелева слишком подчеркивались верноподданические моменты и дидак-

¹⁵⁰ Плетнев Петр Александрович (1792—1865) — писатель, поэт и критик, профессор, ректор Петербургского университета, один из ближайших друзей Пушкина.

¹⁵¹ Воейков Александр Федорович (1778—1839) — поэт, переводчик, критик и журналист, член «Арзамаса» и «Вольного общества любителей российской словесности».

¹⁵² «Литературное наследство», Декабристы-литераторы, III, кн. первая, М., 1956, с. 204.

тизм державинских од и ничего не говорилось о Державине как о поэте-гражданине»¹⁵³. Следовательно, она не отвечала взглядам писателей-декабристов, в сознании которых Державин воплощал представителя высокой гражданской поэзии. Статья Н. А. Цертелева о Державине была большинством голосов отвергнута.

После этого диспута Н. А. Цертелев перестал посещать заседания «Вольного общества».

V

Мы считаем не совсем правильным, когда в некоторых исследованиях спор в «Вольном обществе» между писателями-декабристами и Н. А. Цертелевым определяется в конечном итоге как «спор о классической и романтической поэзии»¹⁵⁴, а Н. А. Цертелев именуется «классиком» или «эпигоном классицизма». Например, В. Базанов, ссылаясь на послание В. И. Туманского¹⁵⁵ к Н. А. Цертелеву, отмечает, что это послание («К кн. Цертелеву»), «дает справедливую отповедь «классику» Цертелеву и излагает основные положения романтической теории»¹⁵⁶. Аналогичное мнение высказано во вступительной статье к «Письмам Александра Бестужева к П. А. Вяземскому (1823—1925)», помещенной в сборнике «Литературное наследство». «Письма Бестужева к Вяземскому, — читаем в статье, — наглядно рисуют и ту борьбу, которую приходилось вести писателям-декабристам с представителями литературной реакции. Бестужев выступает против реакционных эпигонов классицизма, группировавшихся в Петербурге вокруг кн. Цертелева»¹⁵⁷. То, что Н. А. Цертелев стоял во главе правого крыла «Вольного общества любителей российской словесности» и что он не разделял линию писателей-декабристов, не вызывает сомнения. Как мы уже отмечали, сам Бестужев в своем письме к Вяземскому от 23 мая 1823 года писал: «Другая партия

¹⁵³ В. Базанов, Вольное общество, с. 266.

¹⁵⁴ Там же, с. 278.

¹⁵⁵ Туманский Василий Иванович (1800—1860) — поэт, был тесно связан с декабристами, дружил с Пушкиным, Кюхельбекером. Наряду с элегическими стихотворениями, Туманский — автор ряда стихотворений, посвященных борцам за освобождение Греции, по духу и тону близких декабристской поэзии.

¹⁵⁶ В. Базанов, Вольное общество..., с. 217.

¹⁵⁷ «Литературное наследство», «Декабристы-литераторы, II, кн. первая, М. 1956, с. 198.

есть партия положительного безвкусыя: у ней голова — кн. Цертелев, а хвост (тела нет) — Борис Федоров»¹⁵⁸. То что Н. А. Цертелев, признавал народность в литературе, но вместе с тем отрицал гражданскую литературу и декабристский романтизм, это также соответствует истине, ибо, как пишет В. Базанов, признавать народную поэзию и ценить памятники русской старины было еще недостаточно, чтобы находиться в авангарде, идти в ногу с декабристскими литераторами¹⁵⁹. Декабристская народность — это национальная самобытность и в то же время гражданственность¹⁶⁰. Общность словесности и гражданской темы возводилась Бестужевым и Рылеевым в теоретический принцип и этот принцип распространялся ими на всю их творческую практику. Свое эстетическое воззрение Рылеев выразил следующими словами: «Я не поэт, а Гражданин». Писатели-декабристы, которые требовали, чтобы литература служила интересам борьбы против самодержавно-крепостнического строя, выступали против Н. А. Цертелева, ярого защитника самодержавия¹⁶¹. Но кого критиковали декабристы-писатели: «классика» Цертелева, «эпигона классицизма» Цертелева или, как мы уже несколько раз упоминали об этом, Цертелева — приверженца консервативного, пассивного романтизма? Коль скоро мы уверены, что одним из характерных признаков как прогрессивного, так и пассивного романтизма является склонность к старине, преданиям, легендам, народной поэзии, миру мифов и сказок (разумеется представители прогрессивного и пассивного романтизма воспринимали и трактовали памятники старины и отечественный фольклор в совершенно разном плане и в самых злободневных вопросах, касающихся назначения литературы, стояли на диаметрально противоположных точках зрения) то, пожалуй, неверно причислять Н. А. Цертелева к «классикам» или «эпигонам классицизма».

В пользу подобного утверждения говорят несколько доводов. О. М. Сомов, один из видных критиков и литературных теоретиков романтизма, в своем очерке «О романтичес-

¹⁵⁸ «Литературное наследство», с. 204.

¹⁵⁹ В. Базанов, Очерки декабристской литературы, с. 211.

¹⁶⁰ Л. Гинзбург, О проблеме народности и личности в поэзии декабристов, с. 59.

¹⁶¹ После поражения декабрьского восстания в 1826 г. Н. А. Цертелев выступил с проповедью необузданного обскурантизма; утверждая, что каждый гражданин «должен быть рабом закона и освящен временем событий» (В. Базанов, Вольное общество..., с. 278).

кой поэзии» указывал на значение национального материала в художественной литературе и признавал неотложной задачей обращение к народной поэзии, к нравам и обычаям народа¹⁶². П. А. Вяземский, считая одной из особенностей романтизма «местный колорит» в произведениях, заявлял: «Народность, самобытность — главный признак истинной поэзии». Со своей стороны Н. А. Цертелев призывал «отечественных писателей в особенности отечественных поэтов» «придавать народный колорит своим произведениям», для чего они обязаны были постоянно обращаться к народной поэзии, «к отечественным песням и преданиям» и вслушиваться «в них сколько можно более», т. к. «они памятники нравов и обычаев, мыслей и чувствований предков», «не искаженные подражаниями иноземцам», хранили «многие черты той оригинальности, которая отличает поэзию одного народа от поэзии другого»¹⁶³. Народную поэзию Н. А. Цертелев всегда называет «отголоском сердца и ума предков наших. В них хранятся некоторые исторические подробности, многие обычаи, особенная гармония, дух языка и народа»¹⁶⁴.

Несмотря на то, что Н. А. Цертелев, как видно из его высказываний, был поборником самобытной и оригинальной литературы, мы безусловно не склонны считать его единомышленником Сомова, а тем более Бестужева и Рыльева, которые боролись за гражданский романтизм в литературе и вели наступление на позиции консервативного, пассивного романтизма. «Не случайно, — пишет Л. И. Тимофеев, — в первой половине XIX века идут споры о сущности романтизма. Идеология декабризма с ее резкой критикой существующих порядков, утверждением принципа борьбы с этими порядками подсказывала передовым писателям стремление искать в жизни такие ее стороны, которые с наибольшей активностью противостояли бы гнету самодержавия, искать пути изменения этой действительности. Понятно, что именно это обострение борьбы вызывает реакционную критику действительности справа, то есть вызывает появление пассивного романтизма»¹⁶⁵. Л. Гинзбург, ссылаясь на работу Ю. Тынянова «Архаисты и новаторы», отмечал, что литературная борьба в России 1810—1820-х годов не укладывалась в западноевропейскую схему спора между классиками и романтиками. «В частности, — пишет он далее, — в России 1820-х го-

162 В. Базанов, Очерки декабристской литературы, с. 223.

163 «Вестник Европы», 1827, июль, с. 272.

164 «Сын Отечества», 1820, № XXVII, с. 158.

165 Л. И. Тимофеев, Проблемы теории литературы, М., 1955, с. 198.

дов романтизмом называли разные, иногда даже противостоящие друг другу явления. И потому один и тот же деятель в одно и то же время мог оказаться приверженцем и противником романтизма»¹⁶⁶. Исходя из того положения, что первоначальным признаком русского романтического направления становится принцип народности (а что Н. А. Цертелев признавал народность в литературе, но отрицал декабристский романтизм, это не вызывает сомнения), можно сделать следующее заключение: А. А. Бестужев, К. Ф. Рылеев и другие писатели-декабристы вели борьбу не с «классиком» или «эпигоном классицизма» Цертелевым, а с Н. А. Цертелевым — представителем консервативного, пассивного романтизма, требовавшего от литературы служения дворянской монархии, примирения с действительностью. Именно к Н. А. Цертелеву можно отнести слова: дело не в даровании, а в политическом направлении; именно против консервативных романтиков, возглавляемых Н. А. Цертелевым в «Вольном обществе любителей российской словесности», была направлена статья А. А. Бестужева «О романтическом характере».

Касаясь сущности романтизма как литературного течения, Стендаль отмечал: «А вот что говорит романтическая теория: каждый народ должен иметь особую, соответствующую его собственному характеру литературу, подобно тому, как каждый из нас носит одежду, скроенную по его фигуре»¹⁶⁷. И далее. В статье «Что такое романтизм? — спрашивает г-н Лондонно» Стендаль, резко выступая против всяких попыток «педантов» «навязать всем народам» Расина — одного из основоположников французского классицизма XVII века, со всей категоричностью требовал «позволить итальянцу писать итальянские трагедии, англичанину — английские, а немцу — немецкие!»¹⁶⁸. Вспомним, что аналогичную мысль высказывает и Н. А. Цертелев: «Можно по справедливости восхищаться греческими и римскими произведениями, можно любить французскую и немецкую словесность; но русский должен быть русским писателем, подобно как Гомер греческим, Шекспир английским и пр.»¹⁶⁹. Если Стендаль говорит с том, что «каждый народ должен иметь особую, соответствующую его собственному характеру литературу» и видит в

¹⁶⁶ Л. Гинзбург, О проблеме народности и личности в поэзии декабристов, с. 61.

¹⁶⁷ Стендаль. Собрание сочинений в пятнадцати томах, т. VII, М., 1953, с. 111.

¹⁶⁸ Там же,

¹⁶⁹ «Вестник Европы, 1827, июнь, с. 271.

этом одни из факторов романтической литературы, то Н. А. Цертелев, со своей стороны, ратует за «оригинальность литературы», «которая отличает поэзию одного народа от поэзии другого»¹⁷⁰.

Как известно, в произведениях многих романтиков значительную роль играли памятники национального средневековья, к которым они питали особую склонность. Свое отношение к поэзии трубадуров, основанной на обработанных элементах народных песен и оказавшей большое влияние на средневековую лирику, т. к. в ней получило яркое выражение индивидуальное человеческое чувство, Н. А. Цертелев выразил следующими словами: «Романсы трубадуров и песни древних скальдов, при всей необработанности слога их, заключают в себе много выражений и мыслей, которыми пленяются новейшие писатели»¹⁷¹. Н. А. Цертелев восхищался циклом легендарного кельтского барда Оссиана¹⁷², отражающим быт, нравы, мифологию и религиозные верования ирландского народа. В одном месте книги «Опыт собрания старинных малороссийских песней» он назвал оссиановы описания бури прекрасными¹⁷³. Н. А. Цертелев упоминает Оссиана и в другом случае. Доказывая, что русские народные песни содержат «весьма приятную слуху, прелестную гармонию», он приводит несколько отрывков из Оссиана, переведенных Капнистом размером русских народных песен.

Чтобы доказать принадлежность Н. А. Цертелева к пассивным романтикам, лучше всего обратиться к самому творчеству Николая Андреевича, а именно, к одному из его стихотворений — «Родине». Прочитываем несколько строк из этого стихотворения:

«Моей безвестной могилы
Никто не станет посещать,
Орел лишь быстрый, сизокрылый
На ней в зной будет отдыхать.

¹⁷⁰ Там же, с. 272.

¹⁷¹ Н. А. Цертелев, Опыт собрания старинных малороссийских песней, с. 4.

¹⁷² Следует отметить, что шотландский поэт Макферсон, автор поэм «Фингал» и «Тимора», выдал эти поэмы за переведенные с кельтского языка творения легендарного барда Оссиана и издал их в 1765 г. в двух томах под названием «Сочинения Оссиана». Литературная мистификация Макферсона была установлена после его смерти. Поэмы Макферсона носят черты предромантизма; они оказали влияние на всю литературу, непосредственно предшествовавшую романтизму.

¹⁷³ Н. А. Цертелев, Опыт собрания старинных малороссийских песней, с. 10.

Лишь в полночь мрачную волки гладны
К ней стаей будут приходить,
И с шумом ветер притихший хладный
С ней воя станет говорить!
Разрушится состав мой бранный,
Надгробный камень зарастет,
И желтой кости ворон черный
На родину не занесет!
Ужасна смерть вдали от милых,
Но в урне жребий наш сокрыт,
Туман осенних дней унылых,
Не вечно на полях лежит.
Придет весна и луг начальный
Весельем снова расцветет,
Настанет час — и в краю желанном
Судьба челнок мой прикует».

Итак, характерной чертой этих строк можно считать стремление автора создать образ меланхолического человека, уходящего из жизни, поглощенного личными переживаниями, то есть перед нами типичная картина в духе пассивного романтизма. Возьмем хотя бы одну строку стихотворения: «Туман осенних дней унылых»... — и вспомним, как характеризовал Кюхельбекер поэзию пассивного романтизма: «Картина везде одна и та же: луна, которая, разумеется, уныла и бледна... в особенности же туман: туман над водами, туман над бором, туман над полями...»¹⁷⁴. Вообще можно сказать, что стихотворение Н. А. Цертелева «Родине» дышит поэзией «мировой скорби». На самом деле, если основным элементом «мировой скорби» является пессимистическое мироощущение, меланхолическое настроение, мысли о смерти и т. д., то разве не пессимизмом, меланхолией и мыслью о смерти проникнута каждая строка цертелевского стихотворения?

Как известно, поэзия «мировой скорби» наибольшее развитие получила в конце XVIII — начале XIX века. Конечно, «мировая скорбь» гораздо древнее романтизма. Еще «Экклезиаст» содержал ряд рассуждений и сентенций о безоградности, безнадежности и бессмысленности всей человеческой жизни. В произведениях Эсхила, Софокла, Еврипида зачастую встречаются места, где говорится о человеке, как о самом несчастном существе и о его желании скорейшей смерти. Над людской участью грустили Петрарка, Шекспир,

¹⁷⁴ «Мнемозина». Собрание сочинений в стихах и в прозе, ч. II, М., 1824, с. 38.

Руссо, Шатобриан, Гете, Гейне, Леонарди. Но мотивы «мировой скорби» особенно ярко проявились в творчестве Байрона, автора стихотворения «Душа моя мрачна», создавшего яркие образы разочарованных в жизни и сожалеющих о крахе идеалов людей — Манфреда, Каина. Но вместе с тем Манфред и Каин, усомнившиеся во всеблагости бога и взбунтовавшиеся против него, как первоисточника порабощения человеческой личности, остаются носителями неистребимой духовной стойкости. В творчестве Байрона глубокая разочарованность в общественной жизни, анархо-индивидуалистические настроения переплетались с могучим проявлением протестующего и бунтарского духа, с безграничной вольнолюбивостью. Именно этот мятежный индивидуализм (образ героя-одиночки) Байрона, призыв к борьбе за свободу личности, который так высоко ценили писатели-декабристы, и был чужд и непонятен последователям консервативного, пассивного романтизма, в том числе и Н. А. Цертелеву, который никогда не разделял представленного великим английским поэтом направления в романтизме. Показательно то, что Н. А. Цертелев нигде, ни в одной своей книге или статье не упоминает Байрона. Любопытно, и то, что Жуковский увлекавшийся немецкими романтиками (А. Бестужев писал: «он дал многим из своих творений германский колорит, сходный иногда в мистику, и вообще склонность к чудесному»¹⁷⁵). по свидетельству А. И. Тургенева, «дремал над Байроном» и перевел из него только «Песню» и «Шильонского узника»; последний был переведен по совету и настоянию писателей-декабристов. Бестужев, Рылеев и др. — представители революционного романтизма, внесшие в литературу гражданские, политические мотивы и насытившие ее общественным протестом, закономерно противопоставляли мятежный романтизм Байрона выхолощенному, лишенному революционного пафоса романтизму Жуковского и его подражателей.

Еще несколько слов о стихотворении Н. А. Цертелева «Родине». На наш взгляд, небезынтересно сопоставить его строки с одной строфой из стихотворения великого грузинского поэта-романтика XIX века Николая Бараташвили «Мерани».

«Родине»

Моей безвестной могилы,
Никто не станет посещать,
Орел лишь быстрый, сизокрылый

¹⁷⁵ «Полярная звезда», с. 815.

На ней в зной будет отдыхать.
Лишь в полночь мрачную волки гладны
К ней стаей будут приходить,
И с шумом ветер притихший хладный
С ней воя станет говорить!
Разрушится состав мой бранный
Надгробный камень зарастет
И желтой кости ворон черный
На родину не занесет!
Ужасна смерть вдали от милых...

и так далее

«Мерани»

Пускай меня не похоронят среди могил, где предки спят,
И в скорбный час любимой слезы пускай меня не окропят,
Мне ворон выроет могилу среди былья в пустых степях.
И ураган с зловещим воем засыплет позабытый прах!¹⁷⁶

Как видим, в этих стихах затронуты весьма близкие по характеру темы. Например, смерть вдали от близких где-то в пустынной степи, одинокая могила, над которой воет ветер и, наконец, «ворон черный», который в «Родине» несет желтые кости, а в «Мерани» роет могилу.

Разумеется мы далеки от мысли, чтобы поставить стихотворение Н. А. Цертелева «Родине», как художественное произведение, рядом с бессмертным творением Бараташвили «Мерани» или искать то идейное родство между этими произведениями, которое так сблизало «Мерани» с «Каином» и «Манфредом» Байрона, «Форисом» Мицкевича, «Мцыри» Лермонтова. Об этом не может быть и речи. Не говоря уже о том, что сам Н. А. Цертелев не придавал особого значения своей литературной деятельности и наотрез отказался опубликовать свои сочинения отдельным изданием. Но в данном случае нас интересует не художественный уровень стихотворения «Родине», а его литературная направленность. И если мы, сопоставив строфы из «Мерани» и «Родине», при этом подметили какие-то параллели между ними, это было сделано лишь с той целью, чтобы указать на характерную черту творчества Н. А. Цертелева. «Мерани» и «Родине», можно сказать, две стороны одного и того же направления в литературе, а именно — романтизма, но стороны диаметрально противоположного направления. Если в «Мерани» про-

¹⁷⁶ Перевод Г. Цагарели, см. Н. Бараташвили. Стихотворения. Тбилиси, 1946, с. 52.

является непреклонный дух трагически мыслящего героя, его негибаемость, его презрение к смерти»¹⁷⁷, если в нем показан конфликт между идеями человека и действительностью, титаническая борьба с роком¹⁷⁸, то стихотворение «Родине» проникнуто меланхолией, смирением перед судьбой, благочестивым принятием мира, мечтой о тихой пристани. Для характеристики Н. А. Цертелёва как поэта вполне подойдут слова, сказанные Ю. Подольским о представителях консервативного, пассивного романтизма, которые «тоскуют по голубому цветку идеализма, и от того яркого солнца, которое любил классицизм, они, как и сентименталисты, уходят под темную ночь луны...»¹⁷⁹.

VI

Н. А. Цертелёв собирал, изучал и издавал не только памятники народного творчества Украины¹⁸⁰, но и России. Отмечая его заслуги как видного фольклориста, В. Базанов отмечал, что Н. А. Цертелёв вошел в науку главным образом как собиратель малороссийских песен, но и в области русского фольклора он заслуженно может считаться одним из первых знатоков народной словесности¹⁸¹. В журналах «Сын Отечества», «Благонамеренный», «Соревнователь», «Вестник Европы», «Северный архив» и др. он, начиная с 1818 года, последовательно публикует ряд своих статей: «О произведениях древней русской словесности», «Взгляд на старинные русские сказки и песни», «О стихосложении старинных русских песен (Письмо к Н. Ф. Остолопову)», «Замеча-

177 Г. Кикодзе, Николай Бараташвили. Стихотворения. Тбилиси, 1946, с. 11.

178 А. Гацерелия, Николоз Бараташвили. Тбилиси, 1968, с. 51.

179 Литературная энциклопедия, т. II, М.—Л., 1925, с. 730.

180 Помимо издания «Опыта собрания старинных малороссийских песней» (СПб., 1819 г.) Н. А. Цертелёв намеревался со временем приступить к публикации других текстов украинских народных дум и песен. «Некогда имел я намерение издать лучшие малороссийские стихотворения, — писал Н. А. Цертелёв издателю журнала «Благонамеренный», — сделал небольшой опыт (имеется в виду «Опыт собрания старинных малороссийских песней» — О. Г.) и хотел продолжить приятные для меня занятия, но человек редко делает то, чего желает: обстоятельства переменялись; я принужден был оставить свое намерение, сохранив однако, те несколько десятков собранных мною стихотворений». «Благонамеренный», ч. XXX, № XX, с. 216—217).

181 В Б а з а н о в, Ученая республика, с. 251.

ния на вторую часть опыта г. Востокова о русском стихосложении», «Отрывок на рассуждения о поэзии вещей или предметов», «О свадебном русском обряде» и др. В 1820 году Н. А. Цертелев издает следующие книги: «О произведениях древней русской словесности», «Взгляд на русские сказки и песни и повесть в духе старинных русских стихотворений», «Опыт общих правил стихотворства».

Н. А. Цертелев с большим энтузиазмом собирал русские народные песни и готовил их к изданию. В 1820 году в «Сыне Отечества», а затем «Вестнике Европы» появилась заметка, свидетельствующая о намерении Н. А. Цертелева «издать собрание старых отечественных стихотворений». Кроме материалов, собранных самим Н. А. Цертелевым, в собрание песен должны были войти записи А. Х. Востокова, А. Е. Измайлова, Г. И. Спасского и Н. А. Полевого. Как отмечает В. Базанов, план издания, составленный Н. А. Цертелевым, учитывал опыт А. Х. Востокова, который еще в 1810 году занимался собиранием пословиц и песен. «Для 20-ых годов XIX века принципы публикации фольклорных текстов, разработанные Востоковым и Цертелевым, были большим достижением. В дальнейшем эти принципы будут продолжать и развивать такие видные собиратели, как П. Киреевский, Рыбников, Гильфердинг»¹⁸².

Н. А. Цертелева постоянно увлекала мысль издать полный сборник русских старинных песен и к 1824 г. он даже подготовил к печати несколько томов¹⁸³. Обстоятельства службы, поставившие его во главе целого учебного округа (он был назначен директором училищ Тамбовской губернии), «помешали ему дополнить собрание, как и прежде, личной записью со слов и голоса самого народа»¹⁸⁴.

К вопросу об издании «русских старинных песен» Н. А. Цертелев возвращается в своем письме к М. А. Максимовичу от 16 марта 1827 года: «С нетерпением буду ожидать появления в свет собранных вами малороссийских стихотворений»¹⁸⁵, а сам между тем обещаю издать составленное мною собра-

¹⁸² В. Базанов, Ученая республика, с. 252.

¹⁸³ «Вестник Европы», 1870, № 6, с. 870.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ М. А. Максимович в 1827 г. опубликовал сборник «Малороссийские песни». Некоторое количество песен издателю переслал Н. А. Цертелев. Во вступительной статье М. А. Максимович в числе других собирателей благодарил Н. А. Цертелева за «пособие доставлением песен и своими советами» (Б. П. Кирдан, Собиратели народной поэзии. М., 1974, с. 34, 56).

ние старинных русских, искренно сожалея, что никто из людей, более сведущих в сем деле, не предупредил меня»¹⁸⁶.

Николай Андреевич всегда тщательно готовил тексты памятников народного творчества к печати и выступал против любой фальсификации, диктуемой «желанием поправить и дополнить растерянные странички из великой книги народного эпоса». Н. А. Цертелев вынужден был признать, что немногие русские народные песни сохранились не «обезображенными», но «находя развалины Афин, — спрашивал он, — усомнимся ли в великолепии сего города потому только, что ни одно здание совершенно не уцелело? — Рассматривая памятники слова, исследователь прежде всего обязан, так сказать, очистить их в горниле критики, подобно искусному нумизмату, который, описывая древние медали, очищает их от посторонних наростов, испытывает металл, замечает потерянные части, исследует изображения, надписи и тогда уж произносит приговор свой»¹⁸⁷.

Изучая русские народные песни, Н. А. Цертелев обратил внимание на одну из их характерных сторон. Он писал: «Печаль и уныние, — как заметил один из наших писателей, — составляют главное свойство старинных русских песен, которое господствует не только в словах, но и в самой их музыке». Этим писателем, как известно, был Радищев, ему принадлежат слова: «...кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее». Н. А. Цертелев, считая, что «мрачность характера никогда не была отличительной чертой россиян», указывал на обстоятельства, обуславливающие появление «печали и уныния» в старинных русских песнях. Николай Андреевич ставил вопрос: «От чего эти песни отзываются унынием, от чего видна в них печать горести?» — и сам отвечал: «Иго татар, жестокость некоторых государей, внутренние мятежи, конечно, не могли представить поэтам ничего приятного, ничего веселого; воображение их всегда встречало то пылающие города, то окровавленный престол, то гнусность крамолы, то страждущую повинность! — Изредка только видели они ясные дни и счастье семейственной жизни»¹⁸⁸. Вместе с тем Н. А. Цертелев глубоко уверен в том, что «злонамерение» никогда не сможет погасить свет поэзии. «Пламенное изображение гения, — заявлял он, — не престанет обтекать вселенную, парить в мирах надзвездных, изображать истину и творить фантазии; сердце всегда будет

¹⁸⁶ «Вестник Европы», 1872, июнь, № 12, с. 277.

¹⁸⁷ «Сын Отечества», 1820, № XXVII, с. 13.

¹⁸⁸ «Сын Отечества», 1820, № XXX, с. 159.

пленьяться блестящими мечтами, любить истину и добродетель, трепетать в пламенных восторгах любви и наполняться ужасом при имени злодея»¹⁸⁹.

Как известно, первые публикации русских сказок были осуществлены в России в XVIII веке. Несмотря на то, что в первой половине XIX века развернулась интенсивная деятельность по собиранию и изданию памятников древности и видные литераторы России проявляли исключительное внимание к русской сказке, как и вообще к русскому фольклору, лишь в 50—60-х годах прошлого столетия выходит первое, осуществленное А. Н. Афанасьевым, научное издание народных русских сказок. Н. А. Цертелев, отмечая неполноценность публикации русских сказок, в 1820 году писал: «Предание сохранило нам довольно число сказок и песен предков наших, но к удивлению, мы до сих пор не имеем порядочного оных собрания»¹⁹⁰. «Русские сказки и песни, — отмечал далее Николай Андреевич, — по справедливости заслуживают быть изданными лучше, нежели то доселе делалось»¹⁹¹. Но эти слова Н. А. Цертелева не следует истолковывать в том смысле, что он готов был без промедления взяться за дело издания русских сказок и сделать попытку изложения этих сказок с научными комментариями. Это «благородное право» Н. А. Цертелев предоставлял «человеку, имеющему более средств и знаний, необходимых к изданию критического собрания сих остатков старинной нашей словесности»¹⁹². Несмотря на эти оговорки со стороны Н. А. Цертелева относительно собственных заслуг в изучении русских народных сказок, смело можно сказать, что именно с его именем связаны первые шаги, проделанные в этом направлении. «Среди русских ученых литераторов и общественных деятелей первой половины XIX в., положивших начало теоретической разработке сказочного эпоса, следует в первую очередь назвать Н. А. Цертелева, М. Н. Макарова, И. И. Срезневского, П. Ивана Писарова и особенно В. Г. Белинского»¹⁹³.

Н. А. Цертелев ратует за то, чтобы памятники народного творчества публиковались с особой тщательностью, чтобы собиратели этих памятников издавали тексты записанных

¹⁸⁹ Там же, с. 167.

¹⁹⁰ Н. А. Цертелев, Взгляд на народные русские сказки и песни и повесть в духе старинных русских стихосложений, СПб., 1820, с. 1.

¹⁹¹ Там же, с. 16.

¹⁹² Там же, с. 18.

¹⁹³ Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в. М.—Л., 1961, с. 52.

сказок «точно так, как сохранились изустным преданием»¹⁹⁴ и предоставляли читателю «критические собрания сих остатков старинной нашей словесности»¹⁹⁵. В этом плане рассматривает Н. А. Цертелев два сборника русских сказок, изданных Глазуновым, которые Николай Андреевич ставит выше других опубликованных в конце XVIII века сборников. «Лучшее, хотя весьма небольшое собрание в сем роде, — писал он, — есть две книжки, изданные Глазуновым: одна под названием «Дедушкины прогулки», а другая «Лекарство от задумчивости». В них хотя нет ни одного критического замечания, по крайней мере они изданы точно так, как сохранились изустным преданием»¹⁹⁶.

Помимо этого, по мнению Н. А. Цертелева, низкое качество текстов, представленных в опубликованных сборниках, было обусловлено тем обстоятельством, что «все бывшие доселе издатели русских сказок, желая сделать книги свои потолще и, как они думали, занимательнее, смешивали без разбору простонародные и богатырские, иностранные и русские происшествия, склеивали один с другим, а что того и хуже, вставляли собственные рассуждения, описания и поправки старинный слог, и так уже испорченный изустным преданием»¹⁹⁷. Исправление «старинного слога» сказок или вставка в сюжет сказки «собственного рассуждения или описания», т. е. редактирование фольклорных текстов со стороны издателей, было типичной чертой издаваемых в ту пору сборников. Чтобы объяснить это вмешательство составителей в текст сказок, необходимо учесть распространенное в то время мнение о памятниках народного творчества. Естественно, что тексты народных произведений, записанные от отдельных исполнителей, считались явно недостаточными для публикации ввиду того, что они, преломляясь в индивидуальном сознании, трансформировались, утрачивали свой первоначальный облик, искажались. Отсюда неперенным условием публикации фольклорных записей выдвигалось редактирование текста квалифицированным специалистом. Но позже, с учреждением Русского географического общества (1845), закладываются новые научно-организационные основы собирательской работы в России. Обязательным научным требованием становится не «украшательство», а дословная запись

¹⁹⁴ Н. А. Цертелев, Взгляд на русские сказки и песни, с. 14.

¹⁹⁵ Там же, с. 18.

¹⁹⁶ Там же, с. 14.

¹⁹⁷ Там же, стр. 2—3.

и точность публикации любого фольклорного произведения¹⁹⁸. Высказывания Н. А. Цертелева против правки текста произведений народного творчества как-будто предвосхищали требования, выдвинутые Белинским в 30-е годы, записывать сказки «как можно вернее под диктовку народа»¹⁹⁹, ничего не изменяя и не приукрашивая. По словам Белинского, народная сказка имеет смысл только в том виде, «как создала её народная фантазия; переделанная же и приукрашенная; она не имеет решительно никакого смысла»²⁰⁰.

«Таким образом, — пишет Б. П. Кирдан, — Н. Цертелев впервые в фольклористике России подверг разбору изданные до него сборники русского фольклора и высказался против некритического отбора для публикации народных произведений, вмешательства в текст (исправление или дополнение его)»²⁰¹.

Общеизвестна близость сказочного эпоса разных народов мира друг к другу. В мировой сказке отражены общие темы, сюжеты, сходные стилистические приемы, единые композиционные принципы. Сказки народов мира перекликаются друг с другом, воздействуют друг на друга. Единая философия фольклорной сказки коренится в том, что она — создание народного гения, результат коллективного творчества и выражение общенародных идеалов. Но те же сказочные сюжеты, возникшие у разных народов в силу сходных социальных и исторических предпосылок, живут по-разному в разные эпохи в устной традиции различных народов. Каждый народ создает свой неповторимый и своеобразный сказочный эпос, отражающий его национальные особенности, его историю и быт²⁰².

Со своей стороны Н. А. Цертелев, отмечая национальный характер русских сказок, которые он называл «остатками слов предков наших», считал их неотъемлемой частью русской национальной культуры. «В них (сказках — О. Г.) многие обычаи, черты нравов и образа мыслей предков наших»²⁰³, — писал Н. А. Цертелев.

Для Н. А. Цертелева собрание и издание русских сказок являлось не только одним из средств познания прошлой жи-

198 Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX в., с. 50—51.

199 В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, I, с. 150.

200 В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, II, с. 82.

201 Б. П. Кирдан, Собиратели народной поэзии, М., 1974, с. 49.

202 Э. В. Померанцева, Русская народная сказка, 1963, с. 19—20.

203 Н. А. Цертелев. Взгляд на старинные русские сказки и песни, с. 16.

зни народа. Обращаясь к далекому национальному прошлому, Н. А. Цертелев особо подчеркивал ту важную роль, которую могли сыграть памятники народно-поэтического творчества в развитии и обогащении отечественной словесности, говорил о пользе, какую они могли принести «литератору и каждому образованному человеку». «Особенно же важны они для любителя отечественной словесности, — писал Н. А. Цертелев, — который видит в них дух старинной русской поэзии, нередко встречается истинно поэтические места, делающие честь народному гению, находит некоторые особенности языка и даже собственную его гармонию»²⁰⁴. В какой степени соответствовало истине суждение Н. А. Цертелева о произведениях древней народной поэзии, судить нетрудно. В 1816 году в письме к родным в г. Белев В. А. Жуковский писал: «Не можете ли вы собрать для меня русские сказки и русские предания: это значит, заставлять себе рассказывать деревенских наших рассказчиков и записывать их рассказы. Не смейтесь. Это национальная поэзия, которая у нас пропадает, потому что никто не обращает на нее внимания: в сказках заключаются народные мнения; суеверные предания дают понятие о нравах их и степени просвещения и о старине»²⁰⁵. А. С. Пушкин всегда проявлял к русской народной сказке глубокий интерес. Он с большой любовью и тщательностью собирал и записывал их. «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма...»²⁰⁶, — говорил он. Известно, что Пушкин в своем творчестве неоднократно обращался к русским народным сказкам: при создании «Бовы» и «Руслана и Людмилы» им были использованы сказки «О Бове-королевиче» и «О Еруслане Лазаревиче». Из фольклора заимствовал Жуковский образы, сюжеты, когда он писал «Светлану», «Громобоя» и др. Народные сказки, легенды, песни были источником вдохновения также для целого ряда других выдающихся писателей.

Из различных групп сказок Н. А. Цертелев особое внимание уделял волшебной сказке, в которой наиболее характерно проявились ее жанровые особенности. По словам Николая Андреевича, в этих сказках содержатся «полезные истины» о добре и справедливости, а также о порочащих «род людской» человеческих качествах, какими являются: скупость, зависть, своекорыстие и прочее: «Сказка, например, о царевиче Миландрахе поучает нас обдумывать свои желания. Крылья, взятые царевичем без позволения наставника и при-

²⁰⁴ Там же, с. 16—17.

²⁰⁵ Русский Архив, № 4, с. 468.

²⁰⁶ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, с. 121.

чинившие ему столько неприятностей, суть аллегория, показывающая, сколь опасно молодым людям предаваться своим желаниям... Сказка о смерти Кощея поучает нас быть осторожными и не верить ласкательствам, которые нередко бывают для нас пагубны. Сказка о семи мудрецах показывает, сколь опасно царям окружать себя льстецами. Чудная слепота государя, который мог все видеть в чертогах своих и ничего вне оных, изображает, что государь сей — окружив себя порочными людьми, не мог знать что происходит в государстве его, ибо, так сказать, видел и слышал глазами и ушами своих любимцев. Семь червей, находившихся в постели государя, изображают семь главных пороков: лень, сладострастие, скупость, неумеренность, гордость, зависть и злость. Истребление же их и возвращение зрения государю смертью мудрецов показывает, что удаляясь от порочного сообщества, удаляемся вместе и от пороков»²⁰⁷.

Еще в XVIII веке ученые высказывали свои мнения о том, в чем заключается сущность сказочного творчества, в чем проявляется основная особенность сказки как жанра. Среди тех первых исследователей XIX века, которые считали вымысел самой существенной чертой, характеризующей этот жанр устной поэзии, был Н. А. Цертелев. По его убеждению, сказки «исполнены чудес и вымысла»²⁰⁸. «В сказках, — писал Горький, — прежде всего поучительна «выдумка» — изумительная способность нашей мысли заглядывать далеко вперед факта»²⁰⁹. Советские исследователи тоже считают вымысел отличительной чертой сказки. «Роль поэтического вымысла в сказке, — пишет Э. В. Померанцева, — его функция, его качество определяют основные ее жанровые особенности»²¹⁰.

VII

Вымысел является не только характерным признаком народной сказки. Он играет решающую роль и в художественной литературе. По мнению Горького, «мало наблюдать, изучать, знать, необходимо еще «выдумывать», создавать. Творчество — это соединение множества мелочей в одно более или менее крупное целое совершенной формы. Так соз-

²⁰⁷ Н. А. Цертелев, Взгляд на старинные русские сказки и песни, с. 9—10.

²⁰⁸ Там же, с. 8.

²⁰⁹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 25, М., 1953, с. 86.

²¹⁰ Э. В. Померанцева, Ук. соч., с. 4.

давались все величайшие «типы» — Робинзон Крузо, Дон Кихот, Гамлет, Вертер, Карамазовы, Обломовы, Безуховы и т. д.»²¹¹. В этом смысле весьма показательны слова Н. А. Цертелева, который в своей книге «Опыт общих правил стихотворства» довольно подробно рассуждает о «вымысле» и его значении в творчестве писателя: «Всякий вымысел есть не что иное, как создание силой мечтания... Поэт не вымышляет частей, но целое; он занимается выбором вещей, обстоятельств, их связью, причинами и средствами, словом из частей известных составляет целое, новое, изящно вымышленное...»²¹². Но Н. А. Цертелев прекрасно сознавал и то, что вымысел в художественном изображении, волнующий читателя своей жизненной убедительностью, не есть только плод «свободных» порывов воображения, иногда пламенных, иногда мрачных». «Вымысел кроме пылкого воображения и ума, верно соразмеряющего причины действиям, требует еще совершенного познания человеческого сердца»²¹³. Можно привести много примеров, говорящих о том, сколько «пылкого воображения и ума было вложено большими художниками в созданные им бессмертные литературные образы, насколько «совершенно» были познаны ими «человеческие сердца», с какой непосредственностью и полнотой жизненного восприятия переживали они в своем воображении все то, о чем они рассказывали в своих произведениях. Диккенс, Гете, Бичер-Стоу, Клейст, Теккерей и др. настолько входили в жизнь своих героев, что плакали над их судьбой. Бальзак говорил, что он «живет жизнью того человека, которым занят». Бомарше вел со своими героями «самую оживленную беседу» и, по его словам, «лишь записывал то, что они говорят». Ибсен видел своих героев «до последней пуговицы, походку, манеру, голос». Одну из артисток, игравших в его пьесе, Ибсен не любил только за то, что руки у нее были не той формы, которую имели руки его героини. Флобер рассказывал, что изображая страдания отравившейся Эммы Бовари, он ощущал во рту «настоящий вкус мышьяка»²¹⁴. Вымысел лишь тогда имеет художественное значение, только в том случае, «ведет читателя от начала до конца книги» и «возбуждает его внимание», когда за ним стоят реальные жизненные отношения: когда герои действуют в произведении писателя так, как они с наибольшей вероятностью действовали бы в самой жизни, когда читатель поверит в ту жизнь, о которой

²¹¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 25, 1953, с. 89.

²¹² Н. А. Цертелев, Опыт общих правил стихотворства, СПб., 1820, с. 28.

²¹³ Там же, с. 27.

²¹⁴ Л. И. Тимофеев, Ук. соч., с. 32.

писатель ему рассказывает. «Художественный вымысел, следовательно, не противостоит действительности, а является лишь особой, именно искусству присущей формой отражения жизни, своеобразной формой ее обобщения»²¹⁵.

Свою убежденность в том, что художественный вымысел должен быть «правдоподобным» и тесно связанным с жизненной правдой, Н. А. Цертелев высказал в 1820 году в своей книге «Опыт общих правил стихотворства», явившейся одним из первых исследований в этой области: «Величайшее искусство при употреблении вымысла состоит в том, чтобы сделать его правдоподобным (разрядка автора — О. Г.), вытекающим из самой природы (разрядка наша — О. Г.). Поэт употребляет вымысел не для того, чтобы играть только воображением читателя, но дабы убедить нас, а сего не может достигнуть без правдоподобия (разрядка автора — О. Г.), ибо то, чему мы не верим, никогда не тронет нас. Правдоподобие состоит в том, чтобы не говорить ничего удаленного от истины и несходного с принятым мнением. Прекраснейшее стихотворение без правдоподобия то же, что превосходной кисти портрет без сходства»²¹⁶.

Из этих слов Н. А. Цертелева явствует, что он в своем суждении об отношении искусства к действительности исходил из принципа верности природе, действительности, выдвинутого в свое время Буало, Тредиаковским, Сумароковым и др. Общеизвестно положение, сформулированное Буало: «Нет ничего прекраснее правды; дорога только правда».

«Я автора люблю, что правдою одной
Желает нас слепить — мне мил поэт такой,
И зрители его за правду уважают»²¹⁷.

Со своей стороны Н. А. Цертелев требовал от писателей, чтобы в их произведениях и сюжет, и характер героев, и речи их соответствовали жизненной правде, «природе» и, будучи проверены «разумом и сердцем», не были «удалены от правдоподобия». Развивая эту мысль, Н. А. Цертелев отмечал: «В драматических сочинениях с особенною строгостью должно соблюдать оное (правдоподобие — О. Г.). Зритель, поставляя себя на место действующего лица, до тех пор верит вымыслу, пока сочинитель не уклоняется от правдоподобия»²¹⁸.

Не лишены интереса высказывания Н. А. Цертелева о

²¹⁵ Там же, с. 35.

²¹⁶ Н. А. Цертелев, Опыт общих правил стихотворства, с. 2.

²¹⁷ Буало, Поэтическое искусство, песня III.

²¹⁸ Н. А. Цертелев, Опыт общих правил стихотворства, с. 40.

познавательном значении и воспитательной роли поэзии. Для Николая Андреевича поэзия не была «естественным излиянием чувства», которое только и могло, что «растрогать человеческое сердце каким-нибудь изящным предметом». «Есть однако стихотворцы, — заявлял он, — полагающие целью поэзии одно удовольствие. Конечно, похвально доставлять людям приятные и вместе невинные занятия, услаждать по временам горести жизни, осветить улыбкой мрачное лицо несчастного; но еще похвальнее оными занятиями исправлять нас, возбудить сострадание в душе беспечного сибарита, ужаснуть преступника, извлечь слезы раскаяния из глаз его, возвещать истину, ободрить невинность, словом употреблять красоты поэзии для того, чтобы заставить нас любить добродетель»²¹⁹. Одним словом Н. А. Цертелев «истинной целью поэзии» считал решение нравственных проблем человеческой жизни, видел назначение поэзии, как говорил Стендаль, в том, что она должна в одно и то же время трогать и поучать людей²²⁰. По выражению Чернышевского, «Поэты—руководители людей к благородному понятию о жизни и к благородному образу чувств: читая их произведения, мы приучаемся отвращаться от пошлого и дурного, понимать очаровательность всего доброго и прекрасного, любить все благородное: читая их, мы сами делаемся лучше, добрее, благороднее». Учитывая целый ряд существенных свойств литературы и ее большую роль в общественной жизни, Н. А. Цертелев требовал от писателей исключительной ответственности при публикации своих произведений и яростно ополчался против тех, кто «пишет, что взбредет на мысль, и спешит в типографию». «В кабинете своем, — говорил он, — всякий имеет право сидеть в шлафроке, но благоразумие запрещает являться в общество в спальном наряде. То же можно сказать и о сочинениях: для своего удовольствия всякий волен писать что хочет, но принимаясь печатать, должен вспомнить о читателях. Не все, что представляется взору, достойно картины, не все мысли и чувства наши достойны того, чтобы сообщать их другим»²²¹.

VIII

Заслуживают внимания высказывания Н. А. Цертелева относительно величайшего памятника древнерусской ли-

²¹⁹ Там же, с. 13—14.

²²⁰ Стендаль, Собрание сочинений в пятнадцати томах, т. 7, М., 1959, с. 33.

²²¹ Н. А. Цертелев, Опыт общих правил стихотворства, с. 19.

тературы — «Слова о полку Игореве». В его статье «О произведениях древней русской поэзии» в главе «Слово о полку Игореве» он отмечает: «Слово о полку Игореве до сих пор есть драгоценнейший и самый древний остаток поэзии наших предков»²²².

«Слово о полку Игореве» посвящено походу князя Новгород-Северского Игоря Святославича на половцев в 1185 году. Ипатьевская, Лаврентьевская и другие летописи сохранили довольно подробные сведения об этом походе²²³. Н. А. Цертелев, отмечая, что «Слово о полку Игореве» не только высокохудожественное произведение, проникнутое поэзией, но и эпическая повесть, отражающая историческую действительность, писал: «Слово о полку Игореве эпическая повесть, прелестное стихотворение, описание истинного происшествия»²²⁴. «Происшествие, в нем описываемое, случилось в 1185 году»²²⁵.

Древний список «Слова о полку Игореве», относившийся, как предполагают исследователи, к началу XV века, был открыт А. И. Мусиным-Пушкиным в 1792 году²²⁶. Список «Слова» был внесен в рукописный сборник, приобретенный им в Ярославском монастыре. Этот единственный список сгорел вместе со всем рукописным собранием А. И. Мусина-Пушкина во время московского пожара 1812 года. Но А. И. Мусин-Пушкин успел издать его еще в 1800 году. Кроме того, известна еще одна копия с той же погибшей рукописи. Ее преподнес Мусин-Пушкин Екатерине II. Впоследствии, в 70-х годах прошлого столетия, копию с рукописи «Слова о полку Игореве» обнаружил в бумагах императрицы П. П. Пеккарский и опубликовал ее в 1864 году.

Вскоре же после издания «Слова о полку Игореве» А. И. Мусиным-Пушкиным стали раздаваться голоса скептиков, отрицавших его древность и даже подлинность, а некоторые прямо подозревали в «Слове» подлог со стороны Мусина-Пушкина. Свои сомнения высказали тогдашние ученые Каченовский, Беликов, Давыдов, Сенковский и др., утверждав-

222 «Сын Отечества», 1820, № XXX, с. 147.

223 Б. А. Рыбаков, Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве», М., 1972.

224 «Сын Отечества», 1820, № XXX, с. 153.

225 Там же, с. 147.

226 Исследователями названы разные даты нахождения списка «Слова о полку Игореве». Л. А. Дмитриев, изучив историю открытия «Слова», отнес время обнаружения рукописи к 1792 году. (Л. А. Дмитриев, История открытия рукописи «Слова о полку Игореве», — «Слово о полку Игореве» — памятник XII века». М.—Л., 1962, стр. 406—429).

шие, будто «Слово» составлено образованным русским автором XVIII века или ученым-схоластиком киевской школы XVII века²²⁷.

Известно, что в 1812 г. М. Т. Каченовский высказал свое сомнение в том, что «... песнь сия в самом деле суть остаток отдаленной древности». Главной причиной сомнений Каченовского служили его априорные представления о низком уровне русской культуры XI—XIII вв., которые казались ему настолько непреложными, что он отрицал подлинность всех материальных остатков прошлого XI—XIII вв., опровергающих это его убеждение²²⁸. Другие скептики отвергая существование просвещения, торговли, городов в домонгольской Руси, утверждали, что и самый Новгород не существовал в XI в. Некоторые находили, что «Слово о полку Игореве» написано не свойственным поэзии языком, грубою прозой, на языке полуобразованном, почти мертвом, отчего и вышла неправильная и не совсем ясная смесь славянского с русским²²⁹. Даже П. А. Катенин²³⁰, активно боровшийся за создание национальной самобытной литературы, что во многом сближало его с декабристами, отзывался о языке «Слова о полку Игореве» и русских летописей совсем не в духе того гражданского патриотизма, которому были призваны служить передовые литераторы²³¹.

²²⁷ Высказывания и аргументация скептиков были убедительно и основательно опровергнуты советскими учеными См. Д. С. Лихачев, Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности — «Слово о полку Игореве — памятник XII века», М.—Л., 1962, с. 5—78; Н. К. Гудзий, По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве» — «Слово о полку Игореве — памятник XII века», М.—Л., 1962, с. 79—130; Л. А. Дмитриев, История открытия рукописи «Слова о полку Игореве» — «Слово о полку Игореве — памятник XII века» М.—Л., 1962, с. 406—429; Ю. М. Лотман, «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX в. — «Слово о полку Игореве — памятник XII века», М.—Л., 1962, с. 330—405; О. В. Творогов, К вопросу о датировке Мусин-Пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» — «Слово о полку Игореве» и памятники древнерусской литературы», М., 1976, с. 137—164.

²²⁸ Д. С. Лихачев, Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности, с. 18.

²²⁹ П. Н. Полевой, История русской словесности, т. I, СПб., 1900, с. 104—105.

²³⁰ Катенин, Павел Александрович (1792—1853) — поэт и литературный критик, участник ранних декабристских организаций.

²³¹ В. Базанов, Очерки декабристской литературы, с. 256.

Скептицизм первой половины XIX века в отношении «Слова о полку Игореве» Д. С. Лихачев объясняет фактом обнаружения его в такую эпоху, когда значение текста «Слова» как памятника русского языка XII—XVI вв. не могло быть оценено по достоинству. Русская наука того времени была не готова к чтению и пониманию «Слова»²³².

Н. Д. Дилевский отмечал, что скептиков смущала стилистическая и языковая природа «Слова», его самобытная лексика и фразеология. Они не могли принять того, что словесная ткань памятника и его поэтические образцы могли принадлежать русскому художественному языку XII в.²³³.

В период, когда нередко раздавались голоса о том, что «Слово о полку Игореве» якобы написано не свойственным поэзии языком, грубой прозой, на языке полуобразованном, почти мертвом, а некоторые даже не считали язык «Слова» русским языком, Н. А. Цертелев был среди литераторов, первыми заявивших, что «Слово о полку Игореве» написано в XII веке и на русском языке.

В этом смысле весьма примечательны соображения Н. А. Цертелева, высказанные им в статье «О произведениях древней русской поэзии». Хотя он и не полемизирует с Катениным²³⁴ по той простой причине, что его статья появилась в журнале «Сын Отечества» еще в 1820 г., (т. е. за два года до выступления Катенина), статья Н. А. Цертелева дает нам ясное представление, как оценивал ее автор уровень русской культуры в минувшие века и каким представлялся ему язык древней Руси. Рассматривая вопросы древней русской литературы, Н. А. Цертелев отмечал, что русский народ одарен «от природы тонким ощущением гармонии», с восторгом отзывался о русской поэзии, которая жила «в народе, с древнейших времен имевшем уже гражданское устройство; в народе, занимавшемся битвами, воспаляющими воображение величием происшествий, поражающими сердце потерь».

²³² Д. С. Лихачев, ук. соч., с. 30.

²³³ Н. М. Дилевский, Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным. — «Слово о полку Игореве» — памятник XII века». М.—Л., 1962, с. 170.

²³⁴ Суждение Катенина о языке «Слова о полку Игореве» вызвало резкий протест со стороны Бестужева. В 1822 году на страницах «Сына Отечества» он ответил Катенину: «Напрасно г. Катенин сомневается в существовании собственно русского языка. Когда и как составился он... того никто определить не может; но что это было и было гораздо прежде XII в., доказывается Русской Правдой и Словом о полку Игореве. Многие грамоты XII-XIV веков писаны по-русски».

ми для него драгоценными; в народе, которого язык в IX столетии видим языком богатым, сильным, гармоничным»²³⁵.

Н. А. Цертелев был убежден в том, что автор «Слова», списавший поход на половцев «удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича» в 1185 году, был «современник Игоря». «Неизвестно, — писал Н. А. Цертелев, — кто был сочинитель оного («Слова о полку Игореве» — О. Г.); судя однако по языку, по сильным чувствам и в особенности по словам «почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешняго Игоря, иже стягну ум крепостию своею» и проч., можно полагать, что он был современник Игоря, а может быть и очевидный свидетель его подвигов»²³⁶.

Разумеется, более полутора веков тому назад ждать от Н. А. Цертелева более исчерпывающего ответа на вопрос, кто был автором «Слова», трудно, так как и по сей день при уточнении его биографических черт, как отмечает Б. А. Рыбаков, среди ученых начинаются разногласия. Одни утверждают, что он был придворным певцом Игоря, разделявшим с ним и поход и плен, другие видят в нем приближенного Святослава Всеволодовича (черниговца или киевлянина родом), третьи считают его выходцем из Галича и т. д.²³⁷.

Однако необходимо отметить, что Н. А. Цертелев относит «Слово» к памятникам русской литературы XII века, именно «судя... по языку» произведения. В связи с этим следует вспомнить, что в признании в «Слове» специалистами памятника XII века решающую роль сыграли всесторонний и глубокий анализ языка «Слова» и сравнение его с другими памятниками древнерусской литературы²³⁸. Серьезное подтверждение того, что «Слово» является памятником XII века, было, получено именно в результате изучения языка его текста. Б. А. Рыбаков пишет: «Лингвисты занимались преимущественно хронологической стороной лексики и грамматики «Слова», убедительно доказывая принадлежность

²³⁵ «Сын Отечества», 1820, № XXX, с. 146.

²³⁶ Там же,

²³⁷ Б. А. Рыбаков, ук. соч., с. 399.

²³⁸ С. П. Обнорский, Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, с. 193—197; Н. М. Дилевский, ук. соч., с. 169—254; В. В. Виноградова, «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» по некоторым данным морфологии — «Слово о полку Игореве» — памятник XII века», М.—Л., 1962, с. 255—275. А. Н. Котляренко, Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» — «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова», М.—Л., 1966, с. 193—196.

«Слова» во всех частях к XII в.»²³⁹. Но это было позднее, когда славистика достигла высокой степени развития. В начале же XIX века потенция научных сведений в области филологии была для этого недостаточна. Поэтому-то представляет интерес высказывание Н. А. Цертелева, считавшего язык «Слова» большого значения материалом, достаточным для признания «Слова о полку Игореве» подлинным произведением XII века.

Н. А. Цертелев со всей уверенностью заявил, «что «Слово» написано древним простонародным языком²⁴⁰ и, судя по некоторым местам, кажется стихами²⁴¹. Слог оного вообще сжат и наполнен блестящими метафорами²⁴². Таково было мнение Н. А. Цертелева о языке «Слова о полку Игореве», о том русском языке, который, по его же отзыву, уже в IX столетии являлся «языком богатым, сильным, гармоническим; языком, для которого, как выражается один из почтенных наших писателей, ум и ухо истощили, кажется,

239 Б. А. Рыбаков, ук. соч., с. 399.

240 Как видим, Н. А. Цертелев совершенно ясно указывает, что «Слово о полку Игореве» написано на древнем простонародном русском языке. Дело в том, что в начале XIX века в России шла полемика вокруг вопроса о русском литературном языке. Важную роль сыграло «Слово о полку Игореве» в развенчании тезиса Шишкова о церковнославянском языке, как единственном источнике русского литературного языка. И. Грамматин, А. Востоков, К. Калайдович и др., сославшись на «Слово», указали, что это произведение написано на русском языке, а не церковнославянском. Именно на «Слово о полку Игореве» сослался и А. Бестужев в своем споре с Н. Гречем, который полагал, что «язык церковный был долгое время исключительно книжным». Возражая Гречу, Бестужев в 1822 г. выступил на страницах «Сына Отечества». «Песнь о полку Игореве», — писал он, — принадлежит к XII веку, но весьма далека от языка церковного» (Сын Отечества, 1822, № XVIII; с. 158).

241 Указанное замечание свидетельствует о большой наблюдательности Н. А. Цертелева и его хорошем знании текста «Слова». Ведь работу над истолкованием текста этого памятника приходилось признать очень трудной не только в начале XIX в., но и позднее, в течение долгого времени. И. А. Новиков в предисловии к «Слову о полку Игореве» в 1938 году писал: «Как было написано «Слово» и как следует его переводить: прозой или стихами?... Все попытки разложить текст «Слова» на стихи, в нашем современном понимании этого термина, нельзя признать удавшимися... но ритмическое богатство поэмы и песенный склад отдельных мест резко отделяет его от манеры летописей». (Слово о полку Игореве, М., 1938, с. 22).

242 «Сын Отечества», 1820, № XXX, с. 151.

свое тщание (разрядка автора— О. Г.)»²⁴³. Эти про-
никнутые законной гордостью слова Н. А. Цертелева были
обращены к великому русскому языку, о котором Ф. Энгельс
впоследствии скажет: «...среди живых языков этот самый
сильный и богатый язык»²⁴⁴.

Сторонники взгляда на «Слово о полку Игореве» как на
произведение XVII века, утверждают, что на фоне русской
литературы XII века оно выглядит одиноким, изолированным.
Даже Пушкин, который своим гениальным поэтическим чуж-
ем понимал, что «подлинность... песни доказывается духом
древности, под которую невозможно подделаться», несмотря
на это писал: «..Слово о полку Игореве» возвышается уеди-
ненным памятником в пустыне нашей словесности»²⁴⁵. Под-
твердили ли дальнейшие изучения эти слова Пушкина об оди-
нокости «Слова»? На этот вопрос дает исчерпывающий от-
вет Д. С. Лихачев. «Более чем полуторавековое изучение
«Слова» и всей древней русской литературы, в которой бы-
ли открыты после Пушкина многие новые памятники, позво-
ляют нам в настоящее время согласиться с тем, что было
сказано Б. Д. Грековым: «Волнующая красота и удивляю-
щая глубина «Слова» — не чудо, а закономерность»²⁴⁶.

Но если Пушкин считал «Слово о полку Игореве» «уеди-
ненным», но вместе с тем изумительным поэтическим памят-
ником древнерусской литературы XII века, то именно эта
«уединенность» «Слова» явилась в глазах скептиков И. Бе-
ликова, О. Сенковского и др. серьезной уликой против под-
линности поэмы как памятника XII века. Например, И. Бели-
ков обвинительную аргументацию строил на том факте, что
вообще неизвестны были другие тексты «Слова о полку Иго-
реве», а О. Сенковского настораживало «отсутствие всяких
других списков» произведения. Да, действительно, рукопись
«Слова о полку Игореве» сохранилась лишь в единственном
списке, и этот единственный список погиб. Но разве в исто-
рии мировой культуры не было случаев, когда по тем или
иным причинам уничтожались уникальные рукописи?

Известно, что во время Александрийской войны (48—
47 гг. до н. э.), когда римляне под началом Цезаря вошли
в Александрию и подожгли стоящий в гавани флот против-
ника, вспыхнул пожар, охвативший и смежную часть горо-

²⁴³ Там же, с. 146.

²⁴⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, Об искусстве, 1937, с. 322.

²⁴⁵ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т.
VII, М., 1958, с. 307.

²⁴⁶ Д. С. Лихачев, «Слово о полку Игореве» и особенности русской
средневековой литературы «Слово о полку Игореве — памятник XII века».
М.—Л., 1962, с. 300.

да. Ведь именно при этом пожаре безвозвратно погибла в огне знаменитая библиотека в храме Сераписа, в которой была собрана почти вся греческая литература. А сколько очагов культуры и книгохранилищ, какие неисчислимы книжные богатства были уничтожены иноземными захватчиками на русской земле! Вспомним также, как совершенно случайно был спасен от уничтожения и стал известен в науке единственный список «Поучения» Владимира Мономаха. Как рассказывал А. И. Мусин-Пушкин, он купил «Поучение» с возом книг внука и наследника петровского чиновника Крекшина.

Это, на наш взгляд, позволяет с полной уверенностью сказать, что из памятников древнерусской литературы еще не одно замечательное произведение или ждет своего открытия или же, к сожалению, уже безнадежно исчезло. Но отвергать существование каких-либо произведений только потому, что они не дошли до нас, без всякого сомнения, невозможно. Хотя бы по тому, что «Слово о полку Игореве» найдено лишь в единственном экземпляре, можно сделать вывод, что в древней русской литературе, наряду с этим великолепным памятником, вероятно, существовали и другие произведения, по силе своей художественности, возможно, не уступавшие «Слову о полку Игореве». Именно такую мысль проводил Н. А. Цертелев в статье «Славянские песни различных наречий», опубликованной в журн. «Северный Архив»²⁴⁷. Николай Андреевич начинал статью повествованием о том, что «с некоторого времени сербы и богемцы прилагают особенное старание к отысканию древних памятников своего слова и к сохранению существующих в устном творчестве своих народных преданий»²⁴⁸. «Нам русским, старшим потомкам славян, — продолжал Николай Андреевич, — стыдно уступить в любви к народной славе сербам и богемцам, стыдно не заботиться о памятниках слова дедов наших и имея еще возможность передать внукам и правнукам своим дух народной поэзии... Кто знает, что с большой деятельностью и любовью к древним памятникам отечественного слова не найдем мы, кроме народных песен, произведений важнейших, подобных «Слову о полку Игореве» (разрядка наша — О. Г.)»²⁴⁹. Чтобы подкрепить свое

²⁴⁷ «Северный Архив», 1824, № 12, с. 105.

²⁴⁸ Там же, с. 112.

²⁴⁹ Н. А. Цертелев, в статье «О произведениях древней русской поэзии», возвращаясь к мысли о том, что многие великолепные литературные памятники не дошли до последующих поколений, с сожалением отмечал: «Время, поглотившее произведения Боянов наших, как бы с умыслом сохранило «Слово о полку Игореве», «дабы более заставить нас жалеть об истребленном». («Сын Отечества», 1820, № XXX, с. 166).

мнение доказательством, Н. А. Цертелев цитирует место из «Слова»: «Почнем же, братие, повесть сию от Старого Владимира до нынешнего Игоря» и, ссылаясь на него, приходит к следующему заключению: «Сие... самое место заставляет меня думать, что «Слово о полку Игореве» есть отрывок несравненно большего произведения, заключающего в себе повествование происшествий от Владимира и до Игоря»²⁵⁰. В какой мере был прав Н. А. Цертелев, покажет будущее.

Во всяком случае, гораздо позднее, уже в конце XIX века, поэт А. Н. Майков в предисловии к «Слову о полку Игореве» высказал аналогичное мнение: «Эта песня — один живой голос из пестрой светской жизни древней Киевской Руси, дошедшей до нас... Вся литература, из которой она только отрывок, — погибла; и, конечно, ее полуязыческий характер, не допускаящий ее в монастырские книгохранилища, был главной причиной ее гибели»²⁵¹. Но предположение Н. А. Цертелева о возможности обнаружения помимо «Слова о полку Игореве» других, пока еще неизвестных памятников русской литературы, подтвердилось уже при его жизни. В 1852 году, двадцать восемь лет спустя после выступления Н. А. Цертелева на страницах «Северного Архива», была открыта «Задонщина» — повесть, посвященная событию из истории борьбы русского народа с татаро-монголами, в частности Куликовской битве 1380 года. Конечно, «Задонщину», памятник позднего русского средневековья конца XIV — начала XV столетия, в художественном отношении нельзя было ставить рядом со «Словом о полку Игореве», но с ее открытием в руках исследователей очутился доселе неизвестный, значительный памятник, богатый историографическим и литературно-лингвистическим материалом.

«Впервые на отечественную народно-поэтическую основу «Слова», — пишет Д. С. Лихачев, — для нас сейчас несомненную, обратил внимание М. А. Максимович. Работы М. А. Максимовича раскрыли тесную связь «Слова» с русской и украинской поэзией. До М. А. Максимовича связь эта не замечалась; она и не могла замечаться, поскольку ко времени открытия «Слова» народная поэзия была известна плохо и отношение к ней в целом было в лучшем случае

²⁵⁰ «Сын Отечества», 1820, № XXX с. 153.

²⁵¹ Одним из объяснений тому факту, что прямых аналогий «Слову о полку Игореве» в жанре и в стиле мы не находим, Д. С. Лихачев считает «специальный отбор рукописей в монастырских библиотеках, куда не попадали светские произведения». Д. С. Лихачев, «Слово о полку Игореве» и особенности русской средневековой литературы, с. 305.

«снисходительным»²⁵². Мы позволили себе не согласиться с Д. С. Лихачевым в этом вопросе. Разумеется, не вызывает никакого сомнения, что М. А. Максимович дал обзор народно-поэтических средств «Слова» в сопоставлении с памятниками русской и украинской устной народной поэзии. Но мысль о «фольклорной основе» «Слова о полку Игореве» была не нова. Еще за 15 лет до высказанных М. А. Максимовичем по этому поводу соображений, в статье, опубликованной в журнале «Сын Отечества», была дана следующая оценка «Слова» как поэтического произведения: «Его аллегории точны, сравнения и подобию всегда кратки, всегда заимствованы от предметов, его окружавших, что самое дает его слогу особенный народный характер. Его вымыслы просты, естественны, олицетворения живы, обращения и заимствования исполнены силою чувств и страстью»²⁵³. Эти строки принадлежат Н. А. Цертелеву. И коль скоро мы уверены, что «изумительно разнообразна и красочна символика «Слова», больше всего отражающая в себе влияние народной поэзии»²⁵⁴, то с уверенностью можно сказать, что именно на национальную народно-поэтическую основу «Слова» обратил в свое время внимание Н. А. Цертелев.

Н. А. Цертелев высоко ценил могучий художественный талант автора «Слова о полку Игореве» и восхищался его исключительной «силой воображения». Характеризуя его, Н. А. Цертелев отмечал, «что о неизвестном авторе «Слова» можно сказать почти то же, что сам он говорит о Бояне»²⁵⁵, об этом легендарном песнопевце, в чьих песнях, как писал Бестужев, «гремел» русский язык и которого Рылеев причислял к праотцам гражданской поэзии. Вспомним еще раз, что писал автор «Слова о полку Игореве» в своем бессмертном произведении о Бояне.

Боянь бо вещей,
Аще кому хотяще песнь творити,
То растекашется мыслию по древу,
Серымъ вълком; по земли,
Шизымъ орломъ подь облакы.
.
.
.
О Бояне, соловию стараго времени!
Абы ты сна плъки ущекоталь,

²⁵² Д. С. Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности, с. 28.

²⁵³ «Сын Отечества», 1820, № XXX, с. 151—152.

²⁵⁴ Н. Гудзий, Слово о полку Игореве, М., 1938, с. 13.

²⁵⁵ «Сын Отечества», 1820, № XXX, с. 151.

Скача, славню, по мыслену древу,
Летая умом педь облакы.
Свивая славы оба полы сего времени.

Н. А. Цертелев, с восторгом отзываясь о «Слове о полку Игореве», особенно выделял изумительные по своей художественности и поэтической силе «плач Ярославны» и «описание сражения». В своей статье «О произведениях древней русской поэзии» он пишет, что «красоты его («Слова о полку Игореве» — О. Г.) слога не уступают ни Гомеровым, ни Вергилиевым»²⁵⁶, и для подтверждения правильности своего мнения приводил из поэмы «два места в совершенно различных родах», а именно места, где даются яркая, насыщенная картина битвы и лирический «плач Ярославны»²⁵⁷. В какой степени был прав Н. А. Цертелев в своей оценке «плача Ярославны» и «описания сражения» — неповторимых образов художественной красоты, можно судить по словам Пушкина. «Кто из наших писателей в восемнадцатом веке мог иметь на то довольно таланта? — спрашивал он, защищая подлинность «Слова о полку Игореве» в споре с Каченовским. И не допуская, чтобы его могли сочинить даже Карамзин и Державин, писал: «Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколь находится оной в плаче Ярославны, в описании битвы и бегства»²⁵⁸.

Идейный смысл «Слова о полку Игореве» Н. А. Цертелев усматривал в «златом слове» великого князя киевского Святослава. В «Слове» оно занимает около четверти всей поэмы. Как писал Н. А. Цертелев, Святослав обращается ко всем князьям, которые «внутренними расприями» и «гнусной крамолой» губили Русь, «прекратить беспорядки и междоусобий» и сплотиться к совместной борьбе против иноземных захватчиков. По словам Н. А. Цертелева, Святослав Киевский призывал «к мщению всех князей русских: вступите госуда-

²⁵⁶ «Сын Отечества», 1820, № XXX, с. 152.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. 12, 1949, с. 147—148. В отношении тех, кто взял под сомнение подлинность «Слова», В. К. Кюхельбекер разделял точку зрения Пушкина. «Трудно поверить, — писал Кюхельбекер, — чтобы у нас на Руси, лет сорок тому назад, кто-нибудь был в состоянии сделать такой подлог; для этого нужны были знания и понятия такие, каких у нас в то время ровно никто не имел; да и по дарованиям этот обманщик превосходил бы чуть ли не всех тогдашних русских поэтов и прозаиков, вкупе взятых» (В. К. Кюхельбекер, Дневник, Изд. «Прибой», Л., 1929, с. 219—220).

ри за обиду сего времени, за Землю Русскую, за раны Игоревы»²⁵⁹.

Таким образом, как явствует из слов Н. А. Цертелева, идейный смысл «Слова» заключается в следующем: надо прекратить внутренние распри, беспорядки, междоусобицы и объединиться для защиты отечества. По нашему мнению, Н. А. Цертелев прав. Специалисты, рассматривая отношение автора «Слова» к Святославу Киевскому, который произносит в поэме «злато слово», приходят к следующему заключению: главным тезисом автора «Слова» является смелое осуждение княжеских котор и крамол, облегчающих нападение половцев на Русь²⁶⁰. И далее, «Главная мысль «златого слова» — необходимость единства действий, необходимость «пособия» князей Руси великому князю: «Но се зло — княжье им непособие...»²⁶¹.

IX

Заслуживает внимания полемика Н. А. Цертелева с его близким приятелем, известным филологом А. Х. Востоковым о стихосложении или, правильнее, о складе и размере русского народного стиха. А. Х. Востоков в 1817 году опубликовал свое исследование «Опыт о русском стихосложении», где определяющую роль в строении русских народных стихов он приписывал ударению или, как писал Н. А. Цертелев, старался «доказать, что строение русского стиха основано единственно на ударениях, т. е. повышении и понижении голоса, не принимая в соображение ни числа слогов ни их меры»²⁶². В 1818 году, в журнале «Сын отечества», появилась статья Н. А. Цертелева «Замечания на вторую часть опыта г. Востокова о русском стихосложении», где вопреки теории А. Х. Востокова Николай Андреевич доказывал, «что старинные русские песни имеют стихосложение, основанное на числе стоп, а не на числе ударений»²⁶³.

Примечательно, что Н. А. Цертелев свои высказывания в пользу стопной теории не считает окончательными. Они могут быть «ошибочны, но противоречия открывают истину», — отмечал он. Приведем некоторые из этих замечаний. «Г. Востоков, — писал Н. А. Цертелев, — основывает строе-

259 «Сын Отечества», 1820, № XXX, с. 148, 150.

260 Б. А. Рыбаков, ук, соч., с. 497, 499.

261 Там же, с. 497.

262 «Сын Отечества», 1820, № XXVII, с. 3.

263 Там же,

ние (механизм) русского стиха на свойстве прозаических периодов, иначе сказать на ударениях, не принимая в рассмотрение ни числа слогов, ни меры их, ни образа смешения»²⁶⁴. Н. А. Цертелев не согласен с А. Х. Востоковым в том, что «на одних ударениях можно было основать стихосложение, которое, по общему свойству гармонии, требует меры, определенно изменяемой». «Если принять мнение г. Востокова, — писал Николай Андреевич, — тогда не только сии стихи:

Я вѣчѳр млада во пиру́ была
Во пиру́ была, во бесѣдушке и проч.

За долáмá за горáми,
За круты́ми берега́ми и проч.

Дитя́ мое дѣтятко
Дитя́ мое мѣлое и проч.

будут одинаковы, поскольку во всех оных стихах слышно по два главных ударения: — но даже следующий прозаический период: мужественный, человеклюбивый, мудрый, царь Иван Васильевич! когда разделили его так:

Мужественный, человеклюбивый, мѳдрый;
Царь Ива́н Васи́льевич!

составит также два стиха равных, ибо в обеих частях имеет поровну ударений, но еще противоречит принятому всеми понятию о равенстве и однородстве стихов»²⁶⁵. «Г. Востоков, сказав, что русский стих не имеет ни порядок стоп, ни равного числа слогов, ни даже определенного последования ударений, хочет еще уверить читателей, что все сие не мешает стихам быть равными, ибо говорит (стр. 95) мера их состоит в ударениях, коих число не изменяется»²⁶⁶.

Далее Н. А. Цертелев приводит примеры того, какие бывают «пиитические вольности русского стиха». Он говорит с том, что в русском народном стихе встречаются: «ударение на тех слогах, где бы следовало... усечения и сокращения слов..., прибавления и вставки слогов ... наконец, дополнения стиха, которые делаются обыкновенно, прибавляя что, да, а, то и другие частицы, например:

²⁶⁴ «Сын Отечества», 1818, № XXXIX, с. 244.

²⁶⁵ Там же, с. 245—246.

²⁶⁶ Там же, с. 252.

Почерпнув воды, ведра ставила
Что поставивши слово молвила

или

На улице дом стоит,
В доме то вдовушка.

К чему бы служило все сие, если бы стих не имел определенной гармонии или стихосложения. Для числа ударений все равно: в доме — то вдовушка или в доме вдовушка. Сходни бросали на крут бережок или крутой бережок и проч. Конечно предки наши не имели пиитик и курсов словесности, но сие не мешало им при составлении стиха наблюдать более мерность и порядок последования слогов, нежели повышение и понижение голоса»²⁶⁷.

В связи с положением Н. А. Цертелева о том, что в русских народных песнях существует и господствует размер стоп, по их мере в протяжении голоса и столько же по числу слогов, П. А. Бессонов в 1870 году высказал мнение, согласно которому положение Н. А. Цертелева блистательно подтвердилось всей новейшей наукой на основании тысячи открытых вновь памятников, славянских и особенно русских, что заодно с некоторыми русскими и славянскими учеными ныне повторяет это печать Западной Европы и что применение этих выводов должно вскоре совершить переворот в современной поэзии и науке²⁶⁸. Разумеется, здесь дана слишком восторженная и преувеличенная оценка выдвинутому Н. А. Цертелевым положению о сложении русского народного стиха. Дело в том, что, как отмечает Б. В. Томашевский, сама идея создания правильного литературного стихосложения на основе народной песни была не нова. Через нее пришел к тоническому стихосложению Тредиаковский; позже к ней приходил Радищев; увлекались ею Львов, Капнист; она оказала свое влияние на творчество Державина²⁶⁹. Среди последователей В. К. Тредиаковского — зачинателя русской филологической науки и родоначальника современного стиховедения, которому принадлежит первый опыт анализа ритмики русского народного стиха, первая попытка разложения его на стопы²⁷⁰, был Н. А. Цертелев. Но здесь необходимо отме-

267 «Сын Отечества», 1818, № XXXIX, с. 249—250.

268 «Вестник Европы», 1870, т. III, с. 869.

269 Б. В. Томашевский, Из пушкинских рукописей «Литературное наследство», 1934, тт. 16—186, с. 277.

270 М. П. Штокмар, Исследования в области русского народного стихосложения, М., 1952, с. 19.

тять, что, по мнению Н. А. Цертелева, в основе русского народного стиха наблюдаются четырехсложные стопы (пеоны). «Стихосложение малороссийских и русских песен весьма разнообразно, приятно для слуха и сходно между собой. Оно основано большей частью на пеонах». В остальном взгляды Цертелева совпадают с положениями Третьяковского. В своих определениях он пользуется наравне со всеми простыми стопами «смещением разного рода стоп» и в направлении комбинирования стоп заходит дальше Третьяковского²⁷¹.

Как известно В. К. Третьяковский в 1735 году опубликовал «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» — книгу, в которой автор впервые выдвинул предположение о необходимости реформы существовавшего в литературной практике того времени силлабического стиха, как несвойственного русскому языку. Наряду с резкой критикой силлабического стиха Третьяковский выступил с обоснованием теории нового стиха. Провозглашая силлабо-тонический принцип русского стихосложения, В. К. Третьяковский предлагал складывать стих «равномерными двухсложными стопами», т. е. строить его на правильном, ритмически упорядоченном чередовании ударных и безударных слогов²⁷².

В. К. Третьяковский писал: «древнейшие стихи наши, бывшие в употреблении у жрецов наших, состояли стопами, были без рифм и имели тоническое количество слогов... Стопа по большей части в них или Хорей, или Хорей с Дактилем, или один Дактиль; также ямб, или ямб с анапестом, или один же анапест, а по вольности за хорей или ямба полагается стопа Пирихий». М. П. Штокмар полагает, что в этих формулировках Третьяковского мы имеем первую в истории русской литературы попытку разложения народного стиха на стопы, первую «стопную теорию» народного стиха²⁷³.

Н. А. Цертелеву, наиболее последовательному защитнику «стопной теории народного стиха в первой половине XIX века»²⁷⁴, приходилось вести полемику на эту тему не только с А. Х. Востоковым, но и с другими известными литераторами. Так, например, издатель трехтомного словаря по теории поэзии Н. Ф. Остолопов потребовал от Н. А. Цертелева представить «хотя одну песню, в которой от начала до конца выдер-

271 М. П. Штокмар, ук. соч., с. 25.

272 Б. В. Томашевский, *Стилистика и стихосложение*, Ленинград, 1959, с. 315.

273 М. П. Штокмар, ук. соч., с. 18—19.

274 Там же, с. 24.

жана принятая гармония»²⁷⁵. Чтобы отстоять свои убеждения, что русским народным стихам свойственно «метрическое стихосложение» и что в них можно найти «совершенно правильные разного рода метрические стихи»²⁷⁶, Н. А. Цертелев привел «вместо одной песни» целых пять. Каждая из этих песен в отдельности сложена: десятисложными стихами, состоящими из трех анапестов; десятисложными стихами, состоящими из двух анапестов и двух пирихий; десятисложными стихами дактило-хореического метра; двенадцатисложными стихами, состоящими из трех пеонов и т. д. Хотя, как отмечал сам Н. А. Цертелев, не все народные русские песни «имели надлежащей гармонии», в чем он винил «переписчиков», самовольно вносящих свои исправления или дополнения в тексты песен. «Если Нестор, — писал Н. А. Цертелев, — уважаемый во все времена, столь обезображен переписчиками, то что должны были потерпеть народные песни, которые сохранились изустным преданием, потом, будучи издаваемы, считались безделкой, с которою каждый поступал так как хотел»²⁷⁷. Чтобы уверить Н. Ф. Остолопова в правильности своих суждений, Н. А. Цертелев поясняет мысль примером: «Нашед картину Рафаэля, — задает вопрос Николай Андреевич Остолопову, — обезображенную невеже-

²⁷⁵ «Сын Отечества», 1820, № XXVII, с. 3.

²⁷⁶ Там же, с. 12—13.

²⁷⁷ Там же, с. 5.

Н. А. Цертелев в своей статье «О произведениях древней русской поэзии» касаясь вопроса о «народных песнях», отмечал: «одна часть сих песен, скитаясь, так сказать в простом народе», умирает в неизвестности; другая безмолвно покоится в толстых наших песенниках. Никто не хочет собрать первых или по крайней мере исторгнуть последние из мрачной их гробницы. Многие считают даже неприличным помещать произведения прежней безыскусственной поэзии с произведениями систематической. Но сколь часто полевой цветок бывает украшением букета». («Сын Отечества», 1820, № XXVII, с. 157—158). Подобное суждение Н. А. Цертелева было обусловлено тем, что почти до конца XVIII века в русской литературе держалась точка зрения на народную песню, как на нечто низкое, не заслуживающее внимания. Когда Тредиаковскому в середине XVIII века пришлось привести только в качестве примера народную песню, то он должен был предпослать ей следующее предисловие: «Прошу читателя не зазреть меня и извинить, что сообщаю здесь несколько отрывочков от наших подлых, но коренных стихов: делаю я сие токмо в показание примера», т. е. даже неприличным считалось напечатать народные стихи, хотя в содержании их не было ничего предосудительного. (В. В. Томашевский, *Стилистика и стихосложение*, Ленинград, 1959, с. 309).

ством и временем, но сохранившую некоторые части, показывающие превосходство искусства и таланта, откажете ли художнику в его достоинстве? Конечно нет, вы припишете погрешность поправщикам, а изменение красок едкости времени. Почему же не судить таким образом о русских песнях?...»²⁷⁸. Далее Н. А. Цертелев в своем письме к Н. Ф. Остолопову говорил о том, что русские народные песни содержат «весьма приятную слуху прелестную гармонию», которая могла «быть употреблена поэтами нашими с успехом». «В доказательство последнего, — писал он, — прилагаю несколько небольших отрывков из поэмы Оссиана «Картон», переведенный известным нашим поэтом В. В. Капнистом — размером русских песен... Кто бы подумал, что прелестная гармония сих отрывков взята из народных русских песен. 1) Как доселе у нас братцы через темный лес, 2) Уж как вниз было по Волге, Волге матушке реке. Надобно признаться, что предки наши в стихах своих строго соблюдали гармонию метрического стихосложения, что сия гармония — внушаемая природой своим любимцам — везде видна в русских песнях»²⁷⁹.

Не углубляясь в разбор полемики между Н. А. Цертелевым и сторонниками востоковской теории, отметим только, что Кюхельбекер несколько позднее, 22 августа 1833 года, записал в своем дневнике: «Замечания Цертелева на Востокова «Опыт о русском стихосложении» очень умны и доказывают, что рецензент человек мыслящий — но едва ли справедливо, что в старинных русских стихотворениях существуют настоящие стопы, по крайней мере, весьма сомневаюсь, что не только легкие, но и тщательные поправки могли восстановить в сказках Кирши Данилова стопосложение, — искаженное будто бы известным преданием; впрочем попытка не шутка и опрос не беда»²⁸⁰.

Приведем также выдержки из книги М. П. Штокмара «Исследования в области русского народного стихосложения», со всей ясностью подытоживающей полемику между Н. А. Цертелевым и А. Востоковым. «Прежде всего, — пишет М. П. Штокмар, — если оценивать ритм только с точки зрения числа ударений, то песни, весьма разнородные по ритму, могут оказаться ритмически-тождественными как равноударные. Из этого следует, что счет ударений по меньшей мере недостаточен для суждения о ритме народного стиха. «Пиитические вольности», т. е. вставки или про-

²⁷⁸ Там же, с. 4—5.

²⁷⁹ Там же, с. 13—15.

²⁸⁰ «Русская старина», 1883, т. XXXIX, с. 116.

пуски безразличных в смысловом отношении слогов, вызванные, по указанию самого Востокова, требованиями сохранения «меры стиха», наводят на мысль, что эта «мера стиха» не ограничивается равенством ударений, о котором говорит Востоков, но в какой-то степени включает и признаки слоговой организации. Следовательно, не только тонический, но и слоговой момент должен учитываться при определении ритмики русского народного стиха»²⁸¹.

Х

Весьма примечательна статья Н. А. Цертелева «О погрешностях к отечественному воспитанию», опубликованная в журнале «Вестник Европы» в 1828 г. Н. А. Цертелев в своей статье ратует за «совершенное образование человека», за развитие его «умственных и нравственных способностей», за то, что человек «обязан познать... природу, постигнуть цель своего бытия и неослабно стремиться к оной»²⁸². Н. А. Цертелев порицает того, кто живет только сегодняшним днем и для кого не существует ни прошедшее ни будущее. По его словам, для человека «будущее есть цель, настоящее — путь, прошедшее — факел, которым освещает он свое странствие». «Стихия человека есть деятельность», — писал Н. А. Цертелев.

В этой же статье Н. А. Цертелев возвращается к вопросу галломании, которая охватила дворянскую среду тогдашней России, и сурово осуждает тех, кто слепо преклонялся перед французской образованностью и просвещением, кто богатый русский язык «покрывает французской медью», кто объят «пристрастием ко всему чужеземному», кто подвергнут этой пагубной «моде-язве». До какой степени вжилась в тогдашнее дворянское общество эта «мода-язва» подражательности всему «чужеземному», можно судить по свидетельству современника. «Все то, что собственно наше, стало становиться в глазах наших худо и презренно. Французы учат нас всему: как одеваться, как ходить, как стоять, как петь, как говорить, как кланяться и даже как сморкать и кашлять. Мы без знания языка их почитаем себя невеждами и дураками. Пишем друг к другу по-французски. Благородные девицы наши стыдятся спеть русскую песню. Мы кликнули клич, кто из французов, какого бы роду, звания и состояния он ни был, хочет за дорогую плату, сопряженную с великим

²⁸¹ М. П. Штокмар, ук. соч., с. 44.

²⁸² «Вестник Европы», 1828, № 5—6, с. 83.

уважением и доверенностью, принять на себя попечение о воспитании наших детей. Явились их престашные толпы, стали нас брить, стричь, чесать. Научили нас удивляться всему тому, что они делают, презирать благочестивые нравы предков наших и насмехаться над всеми их мнениями и делами»²⁸³.

«Прости господи, — пишет другой современник, — неужели бог Русь на то создал, чтобы она кормила, поила и богатила всю дрянь заморскую, а ей, кормилице, и спасибо никто не скажет. Приедет француз с виселицы, все его на перехват... Только и видишь молодежь одетую, обутую по-французски и словом, делом и помышлением французскую. Отечество их на Кузнецком мосту, а царство небесное — в Париже. Родителей не уважают, стариков презирают и, быв ничто, хотят быть все. Завелись филантропы и мизантропы. Филантропы любят людей, а разоряют мужиков; мизантропы от общества людей убегают в трактиры. Старухи и молодые сошли с ума. Все стало каша кашей, бегут замуж за французов и гнушаются русскими. Одеты, как мать наша Ева в раю, — сущие вывески торговой бани либо мясного ряда»²⁸⁴.

Недостаток русского дворянского общества, по мнению А. Бестужева, заключался в отсутствии патриотизма дворянской молодежи, «всосавшей с молоком удивление только к чужому»²⁸⁵, а следствием столь пагубного явления было то, что большая часть русских дворян предпочитала, по словам И. М. Муравьева-Апостола²⁸⁶, «говорить языком чужим, а не своим» и, «вместо того, чтобы изъясняться чисто и складно своим природным языком, добровольно осуждают себя целью век лепетать нормандским или гасконским наречием»²⁸⁷. Они предпочитали «французский язык» русскому языку, тому языку, на котором «говорят 40 миллионов народа величественнейшего, удивительнейшего, доказавшего перед лицом вселенной, что доблести рода человеческого еще не истощились веками»²⁸⁸. И. М. Муравьев-Апостол видел не-

283 «Русская старина», 1894, т. 82, с. 177.

284 Там же, с. 194.

285 «Полярная звезда», с. 860.

286 Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1768—1851) — отец трех декабристов С. И., М. И., И. И. Муравьевых-Апостолов, член Российской Академии и Беседы любителей русского слова. Пользовался репутацией либерального человека, выступающего против Аракчеева. Декабристы намечали его вместе со Сперанским и Мордвиновым в состав Временного правительства.

287 «Сын Отечества», 1814, ч. 12, с. 28.

288 Там же.

посредственную и прямую связь между «национальной гордостью» народа и языком, на котором говорил этот народ «... мне часто возражают, — писал, он, — что общего между национальной гордостью и языком, которым мы говорим? Мне кажется, очень много. Положим, будто бы пунический язык был в моде у римлян до нашествия Аннибалова: неужели по изгнании его, сенаторы и рыцари римские все бы еще продолжали говорить карфагенским языком, утверждаясь на том, что они к нему привыкли? Конечно нет. А мы...? Когда это кончится»²⁸⁹. Но о каком «уважении... к языку своему, которое составляет истинное достоинство народа», как писал Н. И. Гнедич, можно было говорить, когда большая часть дворян своих детей поголовно отдавала в «французские пансионы и даже иезуитские колледжи». Например, княгиня Юсупова одна из первых отдала своего сына в иезуитскую коллегию, поддерживала ее деньгами и убедила свою сестру, княгиню Голицыну, отдать своих детей туда же²⁹⁰. «А здесь, — пишет современник, — юные представители древних родов наших молились по-латыни, по-латыни же читали евангелие, учились закону божью по латынскому катехизису и во время латинской миссы аколитами прислуживали священнодействующим патерам»²⁹¹. А по выражению другого современника, молодые дворяне «не разумея славянского наречия, читают евангелие на французском»²⁹².

Ничего нет удивительного в том, что молодежь, воспитанная в таких условиях и привыкшая излагать свои мысли на иностранных языках, теряла интерес к русской книге, что она «знание иностранных языков и обычаев променяла на дедовскую любовь к родине»²⁹³. В 1824 году Пушкин в письме к брату признавался, что он принужден был изучением русских сказок вознаграждать «недостатки проклятого своего воспитания»²⁹⁴.

Среди тех, кто в самой резкой форме высказывался против «проклятой моды» и с возмущением спрашивал: «Когда же попадем мы в свою колею? Когда будем писать прямо по-русски?», был и Н. А. Цертелев. Он настойчиво проводил мысль, что не знакомая ни с русским языком, ни с русской литературой молодежь не могла развить в себе чувства национального достоинства и гордости. «Что скажу об отече-

289 «Сын Отечества», 1814, ч. 12, с. 28—29.

290 «Русский Архив», 1891, № 8, с. 139.

291 Васильчиков, Семейство Разумовских, т. II, с. 79.

292 «Русская старина», 1894, т. 82, с. 183.

293 «Русский Архив», 1887, № 2, с. 176.

294 А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, с. 121.

ственном языке нашем? — писал Н. А. Цертелев. Все мы учились русской грамоте, все учим ей детей наших и за всем тем худо знаем силу и богатство родного своего языка, да и можно ли знать.

Когда нам в колыбели
Уже французские песни пели?

и когда люди, так называемого хорошего тона, даже имени вашего не скажут по-русски! Что же сему причиною? У одних непростительное пристрастие ко всему иноземному... мода-язва, которая до того распространилась между нами, что не только те, которые знают языки иностранные, не говорят по-русски, но даже и те, которые затвердили несколько французских слов, не упустят случая первому встречному сказать по крайней мере: *bon jour*, по-видимому, смешная странность имеет большое влияние на дух общественный. Язык есть собственность народа, и кто не уважает отечественного языка, тот не будет дорожить и народной честью»²⁹⁵.

Н. А. Цертелев требовал от молодежи уважения и любви к родному языку, усматривая в этом проявление «общественного духа» и народной чести, ибо, как писал Н. Гнедич, «величайшее унижение народа есть то, когда язык его пренебрегают для языка другого».

Н. А. Цертелев, который со всей страстностью бичевал низкопоклонство большей части дворянского общества перед западом, еще тогда правильно ставил вопрос о взаимоотношениях между русской и западноевропейскими культурами. Он не был квасным патриотом, отрицающим все достижения мировой культуры, кроме русской. Н. А. Цертелев считал, что русский человек, безусловно, должен был заниматься изучением иностранных языков, но при этом он ни в коем случае не имел никакого морального права проявить хоть малейшее пренебрежение к своему родному языку; наоборот, он должен ставить его превыше всего. С другой стороны, по мнению Н. А. Цертелева, изучение иностранных языков не должно носить формальный характер, языки должны изучаться не только ради «языков», они должны служить «способом к приобретению познаний». «Языки иностранные знать полезно, — писал Н. А. Цертелев, — отечественные необходимо. Можно учить детей не только европейским, но и азиатским языкам. Но не должно считать их главным предметом воспитания. Языки суть только способы к приобретению познаний, не самые знания. Если я на двадцати языках буду знать слово закон и не иметь понятия о законах, все же я буду

знать менее того, кто, не зная языков, знает законы»²⁹⁵. Н. А. Цертелев гневно клеймил выучеников иностранных гувернеров — «русских парижанцев» не только за то, что они променяли свой родной язык на французский, но и за то, что проявляли полное незнание в отношении своей родной страны. «Странно видеть, — с возмущением писал Н. А. Цертелев, — что многие из молодых людей зажмурясь найдут Париж, укажут Рейн и Темзу и не скажут вам ни водных сообщений России, ни торговых, ни исторических, ни военных городов своего отечества, ни отличительных признаков одной части его от другой, ни выгод местного положения, ни богатства собственных произведений, ни общности внутренней и внешней торговли, и среди своего отечества кажутся чуждыми пришельцами. К чему способны такие люди? Какую пользу принесут они обществу? Прежде надобно знать, как отворяется дверь в собственном доме, и потом уже заботиться о расположении домов соседних»²⁹⁷.

Развивая ту мысль, что «прежде надобно знать, как отворяется дверь в собственном доме, и потом уже заботиться о расположении домов соседних», Н. А. Цертелев призывает с усердием изучать историю России, которая имеет богатую, самобытную культуру, и осуждает того, кто «отечественную историю» ставит «позади истории чужих народов». «Конечно, греки и римляне заслуживают уважение, — писал Н. А. Цертелев, — но не полезнее ли знать нам подробно деяния предков наших. Мы знаем наизусть век Перикла, Августа, Людовика XIV и, смело скажу, не имеем основательных, подробных сведений о древнем состоянии России, о блистательных деяниях Владимира Мономаха, сего мудрого князя, истинного сына отечества, не говоря уже о жизни частных людей, прославивших Россию»²⁹⁸.

Обращаясь к национальному историческому прошлому, Н. А. Цертелев с восхищением отзывался об «истинных сынах отечества», которые своими подвигами и деяниями возвеличили славу и могущество России. М. В. Ломоносов писал, что «... противу мнения и чаяния многих столь довольно предки наши оставили на память, что применяясь к летописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины... Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас перед оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, како-

²⁹⁶ Там же, с. 69—70.

²⁹⁷ Там же, с. 71.

²⁹⁸ Там же, с. 71—72.

вым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности»²⁹⁹. Чтобы восполнить этот пробел и надобным образом увековечить «подвиги наших героев», Н. А. Цертелев говорил о необходимости обратиться к темам из русской истории, которую, говоря словами Карамзина, он определял как «завет предков к потомству». «Не каждый ли подвиг знаменитого соотечественника должен быть запечатлен в нашей памяти? — спрашивал Н. А. Цертелев, — нет, не в истории чуждых народов, но на славных могилах предков должно учиться любви к отечеству»³⁰⁰.

Интересны высказывания Н. А. Цертелева по поводу воспитания тогдашней дворянской молодежи России в духе «чуждых обычаев». Такое воспитание приводит к пагубным последствиям — к праздности, к корысти, к потере чувства национальной гордости, к формированию такого человека, который «никогда не сказал бы с чувством даже слово ни о России, ни о ее героях. «Чего ожидать от человека, — с горечью замечал Н. А. Цертелев, — воспитанного в чуждых обычаях, без любви к Родине, без познания своего собственного отечества? Он или погрязает в роскоши и неге, или, добиваясь не чести, но почестей, пойдет путем, недостойным истинного сына отечества. Не труд и правота, но лесть и коварство будут его путеводителями, не общественное благо, но собственные выгоды будут его целью. Горестны, ужасны следствия чуждого воспитания»³⁰¹.

Н. А. Цертелев с прискорбием говорил о том, что в дворянском обществе глубоко пустил корни метод воспитания, «внедренный иноземцами». Он требует поставить преграду этому «злу» и не взирать равнодушно на его пагубное влияние. При этом, перечисляя целый ряд «погрешностей» в воспитании дворянской молодежи, Н. А. Цертелев не сваливал всю вину плачевных последствий только на молодежь. «Но виноваты ли дети? — вопрошал он, — они учатся тому, чему их учат». Чтобы устранить пробелы и улучшить установившийся порядок воспитания, по мнению Н. А. Цертелева, в первую очередь надо установить: «чему учат молодежь» и «кто учит ее»?

То обстоятельство, что в ту пору в России домашнее воспитание молодежи (публичных учебных заведений было весьма малое количество) являлось эпизодическим и самым недостаточным, прекрасно охарактеризовано стихом Пушкина:

²⁹⁹ М. В. Ломоносов, Избранные философские сочинения, 1940, с. 298—299.

³⁰⁰ «Вестник Европы», 1828, № 5—6, с. 72.

³⁰¹ Там же, с. 73.

«Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас не мудрено блеснуть».

К тогдашнему воспитанию можно вполне приложить слова Державина: «учили языкам — без грамматики, числам и измерениям — без доказательств, музыке — без нот». Воспитание ограничивалось, если представлялась к нему возможность, изучением иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь одним нанятым учителем. «Натирали ребят наружным блеском, — пишет современник, — готовя их для удовольствия, а не для пользы общества, учили говорить и писать легко по-французски, декламировать стихи, играть свободно на сцене, ловко танцевать менуэт или французскую кадрили — вот что называлось получить окончательное воспитание»³⁰². Одним словом, так называемый благовоспитанный молодой человек из дворянской среды в большинстве случаев был полуиноземец, не имеющий никакого основательного образования, располагающий немногими поверхностными познаниями, которыми он кичился и с успехом пользовался для ослепления еще больших чем он сам невежд.

Кто были наставниками такой молодежи? Дворянское общество вверило ее иностранцам. В петербургских гостиницах появились аббаты Николи, Розавени, Гравели, Журдани и др., которые оставили свое отечество, чтобы предложить за деньги свою мнимую ученость. В связи с этим П. А. Вяземский писал: «Не знаю, чем объяснить себе, но выборы наставников, гувернеров, учителей моих были вообще неудачны. Не в деньгах было дело. Много пребывало при мне французов, немцев, англичан, но ни один из них не был способен приучить меня к учению, а это главное в деле первоначального воспитания»³⁰³. А. М. Бестужев, вспоминая картины детства, писал: «Как я ни старался припомнить прошедшие впечатления, из этой толпы ничтожностей, составляющих тогда сословие наших образователей, я не припомню ни одной личности, которая бы теперь не порождала улыбки презрения»³⁰⁴. Н. А. Цертелев же с возмущением спрашивал: «Не часто ли неловкий поклон и неудачный покроем платья заставляют нас отказать достойному соотечественнику и обратиться к заморскому выходцу потому только,

³⁰² Русский Архив, 1883, кн. III, с. 17; 1889, № 3, с. 399.

³⁰³ Сочинения кн. П. А. Вяземского, т. I, с. XIV—XV.

³⁰⁴ «Русская Старина», т. 32, с. 603.

что он, как говорят, умеет с грасами поклониться и не краснея говорить о том, чего не понимает? Долго ли будем мы отдавать преимущество фиглярам; долго ли нам держать в домах своих сии повапленные гробы, сии движущияся могилы нравственности»³⁰⁵. Н. А. Цертелев взывал к совести тех родителей, которые дело воспитания своих детей отдали в руки иностранцев. «Горестны, ужасны следствия чуждого воспитания. К несчастью, мы уже сие испытали. Сколько отцов и матерей оплакивают еще и ныне свое заблуждение. Да послужит сие уроком! Станем воспитывать по-русски детей наших, а последний из них не родословною, а самими делами докажет отечеству свое благородство»³⁰⁶.

Н. А. Цертелев беззаветно верил в блестящее и замечательное дарование русского народа. Он категорически не соглашался с теми, кто скептически относился к русским преподавателям, к русским писателям, кто с пренебрежением говорил, что «нечего читать по-русски». Н. А. Цертелев был глубоко убежден в том, что на почве национальной культуры всегда будут расти замечательные русские деятели. «Мы имеем хороших наставников, — писал он, — довольно ученых, историю отечества, которая может сравниться с лучшими произведениями иностранной словесности, несколько комических и трагических писателей, отличных баснописцев и наконец Державина, который один может заменить всю лирическую поэзию французов»³⁰⁷.

Н. А. Цертелев хорошо понимал ту большую ответственность, которую несли родители перед своими детьми. Ведь по тому признаку, как влияет семья на детей, протекает почти весь процесс физического и духовного развития ребенка. В этом процессе, по мнению Н. А. Цертелева, исключительно важна была роль матери. «Одна только материнская любовь может снести сию обязанность, требующую почти беспредельного терпения. К стыду нашего времени, весьма немногие исполняют сию священную обязанность; большая часть поручает столь важное дело чуждому сердцу»³⁰⁸.

Н. А. Цертелев особо отмечал важность воспитательной роли учебных заведений, где происходило формирование будущего гражданина. «Но, к сожалению, — писал он, — есть родители, которые, толкнув, так сказать, сына своего через порог учебного заведения, думают, что они совершили большой подвиг, что им не остается уже ничего делать и что

305 «Вестник Европы», 1828, № 5—6, с. 64.

306 Там же, с. 73.

307 Там же, с. 69.

308 Там же, с. 63.

сын их, посещая дом, на котором крупными буквами написано: «Университет», по истечении трех лет выйдет, по крайней мере, Сократом или Архимедом. Нет, не довольно определять детей в учебные заведения; должно строго смотреть, исполняют ли они свои обязанности, не пропускают ли учебных часов, чем занимаются дома. В средних учебных заведениях, каковы гимназии, еще более должны быть внимательными, ибо здесь обучаются дети, не чувствующие еще пользы учения: здесь должны следить за каждым шагом ребенка. Если родители будут таким образом содействовать наставникам, тогда могут ожидать от детей своих успеха в науках и доброй нравственности»³⁰⁹.

³⁰⁹ Там же, с. 60.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В последние годы своей жизни Н. А. Цертелев сблизился с «Московским обществом любителей российской словесности» и с большим воодушевлением и интересом знакомился со всеми изданиями деятелей общества. Узнав, что обществом готовились публичные лекции по русской словесности, он передал ему все свои прежние письменные труды и материалы с письмом, из которого мы приведем несколько строк: «Прочитав программу публичных чтений, — писал он в марте 1859 года, — я искренне порадовался, что наконец скудные сведения об этом предмете будут пополнены компетентным судьей этого дела. Давным давно, за полвека перед этим, когда у нас весьма немногие обращали внимание на русское народное песнетворчество, я усердно собирал русские сказки и песни, в особенности же последние... В 1865 году поселясь в Москве, в этом центре русской народной деятельности, я вспомнил и о моем сборнике. Пожалел было, но и утешился тем, что молодые, более энергичные собиратели сделали то, чего я не сделал, и сделали лучше, чем бы я мог сделать... Препровождая к Вам бранные остатки моего сборника, рад буду, если они пригодятся вам хотя бы как варианты»³¹⁰.

Скромность, которая видна в этих строках, всегда отличала Н. А. Цертелева. Доказательством этого факта служит то обстоятельство, что в 1867 году, когда его сын — Дмитрий Николаевич Цертелев³¹¹, по совету академика Грота, за-

³¹⁰ «Вестник Европы», 1870, с. 870.

³¹¹ Цертелев Дмитрий Николаевич (1852—1911) окончил юридический факультет Московского университета, затем слушал лекции в Лейпцигском университете, где ему была присвоена ученая степень доктора философских наук за исследование о гносеологии Шопенгауера на немецком языке. Из опубликованных научных трудов особо следует отметить: «Философия Шопенгауера», ч. I, «Теория познания и метафизика», СПб., 1880; «Современный пессимизм в Германии, очерк нравственной философии Шопенгауера и Гартмана» М., 1885; «Эстетика Шопенгауера»; СПб., 1888. Д. Н. Цертелев перевел с немецкого на русский язык из сочинений Шопенгауера «Эристику или искусство спорить». Помимо научной

думал собрать и издать разбросанные статьи отца и обратился к нему с просьбой указать некоторые из них. Николай Андреевич вместо благодарности серьезно пожурил его. «Я никогда не имел претензий на литературную известность, — сказал он сыну, — поэтому не желал и не желаю печатать собрания»³¹². Он согласился лишь написать свои литературные воспоминания, которые по словам П. А. Бессонова были бы «большой драгоценностью для нашей внутренней истории»³¹³, но и с этим не особенно спешил и потому не успел осуществить своего намерения.

«Отличие этой неторопливой сдержанности, — говорилось в некрологе Н. А. Цертелева в журнале «Вестник Европы» в 1870 году, — этой изящной стыдливости в деле и слове, разделял покойный в полной и равной мере только с одним своим сверстником, с князем Одоевским. Оба горячо относились к народному творчеству, оба верно служили ему, один в гармонии слова и размере склада, другой в гармонии голоса и также пения; — оба в один год потеряны для русского общества. И точно, деятели этой области, становясь прямо лицом к лицу с народом, волей и неволей обязаны как бы забывать о собственной своей личности. Величавый образ, постоянно возвышающийся перед их взорами, не покидает их воображения ни на минуту, входит глубоко в их душу и, если не ослабляет там сознание собственного достоинства, то значительно умеряет порывы самонадеянных личных сил. Самые таланты их как бы умяются перед гением народа, которому они служат... Не в бронзовых памятниках немеют имена собирателей: они живут в самих памятниках народного творчества слова, ими собранных и объясненных. Сам народ помнит их: не имея их — а свершенное ими дело»³¹⁴.

работы, Дмитрий Николаевич занимался литературной деятельностью. В 1883 и 1892 годах, он публикует сборники стихотворений, а в 1891 году издает перевод «Фауста» Гете. Д. Н. Цертелев в разное время был редактором основанного им журнала «Русское обозрение», а также журналов «Дело», и «Русский вестник».

³¹² «Вестник Европы», 1870, с. 870.

³¹³ Там же.

³¹⁴ Там же, с. 871.

Рецензенты:

кандидат филологических наук Р. Кобидзе
кандидат филологических наук
О. Лордкипанидзе

Напечатано по постановлению Редакционно-издательского
совета Академии наук Грузинской ССР

*

ИБ—1730

Редактор Дж. Бардавелидзе
Редактор издательства М. Мачабели
Техредактор Ц. Камушадзе
Корректор Ц. Китиашвили

Сдано в набор 26.4.1980; Подписано к печати 18.6.1980; Формат
бумаги 60×90¹/₁₆; Бумага № 1; Печатных л. 6,3; Уч.-издат. л. 5,9;

УЭ 01140;

Тираж 1500;

Заказ 1561;

Цена 65 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

საქ. სსრ. მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Типография АН Груз. ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19

Отар Шалвович Гвинчидзе
НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ ЦЕРТЕЛЕВ